



ОЛЕГ РОЙ

Б-11

Олег Рой – мастер психологического
романа (новое оформление)

Олег Рой

Б-11

«ЭКСМО»

2023

Рой О. Ю.

Б-11 / О. Ю. Рой — «Эксмо», 2023 — (Олег Рой – мастер психологического романа (новое оформление))

ISBN 978-5-04-185317-4

Об этом проекте забыли на три десятка лет; но нет такой тайны, которая могла бы сохраняться вечно. Тринадцать человек спустятся на километры вглубь земли, чтобы понять, почему все проекты сверхглубокого бурения были закрыты. Большинство из них не вернется, а те, что вернутся – лучше бы остались там, куда не проникает свет солнца. Есть тайны, которые не стоит разгадывать – Б-11. Когда нет времени для выбора секунды решают, кто ты – герой или предатель. Со страхом невозможно договориться; с ним можно только сражаться – или уступить ему. Они ждали тысячи лет на глубине тысяч метров; они жаждут мести, и только тринадцать человек, пришедших с поверхности, могут остановить их. У страха есть имя – Б-11. Никто не вернулся живым – и об этом проекте забыли на годы. Им предстоит узнать, почему так произошло; а когда они узнают это – им предстоит принять самое сложное решение в своей жизни. Когда есть выбор между своей смертью и вечным порабощением, подобного которому не знала история. Никто из них не вернется живым – Б-11

ISBN 978-5-04-185317-4

© Рой О. Ю., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава I: Down in the ground, when the dead mens go	8
Глава II: Одинокaя могила	20
Глава III: Мaть всех бурь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Олег Рой

Б-11

По грязно-серой тундре полз человек. Полз медленно, то и дело замирая без сил и, наверно, даже теряя сознание. Но через какое-то время – минуту, не больше, приходил себя, и вновь начинал ползти, чтобы через несколько метров вновь упасть без сознания.

У человека почти не было ног. За ним волочилось нечто, что, вероятно, было внутренностями, вывалившимися из огромного разрыва в нижней части тела человека. Разорванные сосуды уже почти даже не кровоточили, хотя за ползущим по-прежнему оставался заметный влажный след из сукровицы.

Тело человека, полностью лишенное одежды, было страшно обожжено; ожоги бугрились ужасными рубцами, искажая и без того исковерканные очертания тела. Рук тоже почти не было – вместо них остались короткие головешки культей длиной где-то по локоть, ими человек и отталкивался от земли. Голова и лицо тоже представляли собой почти сплошной ожог: нос отгорел и провалился, губы, веки, ушные раковины – не говоря уж о волосах, – полностью сгорели. По всем канонам медицины и биологии, человек с такими повреждениями давно должен был умереть...

...но он был жив. И полз. Упрямо полз к неизвестной никому цели, в полном молчании. Безмолвствовала и природа; было светло, но по положению солнца, низко опустившегося к горизонту, каждый, кто бывал за полярным кругом, мог бы определить, что время близится к позднему вечеру, и в более южных широтах этой же долготы, наверняка, уже включают свет.

А человек все полз и полз, словно заклятый или заговоренный. Словно зомби из фильма ужасов, только не гниющий, а обожженный. Он полз, ни на что не обращая внимания, да и не на что было здесь обращать внимание – местность была пуста и безвидна, и лишь кое-где унылую серость почвы разбавляли неглубокие и крохотные озерца или редколесье сланника, да на горизонте виднелась невысокая скальная стенка.

Так было ровно до того момента, пока в небе не появилась увеличивающаяся в размерах черная точка. Она быстро росла, превращаясь в военно-транспортный вертолет. Это был вертолет Ми-8 в окраске, выдающей принадлежность к Министерству обороны – или еще какой-то силовой структуре.

С вертолета, очевидно, заметили ползущего по тундре человека – заложив короткий вираж, «мишка» скоро приземлился, двери открылись, и из чрева винтокрылой машины посыпались десантники в беретах, вооруженные короткоствольными автоматами. Последним высадился гладко выбритый офицер в шинели с подполковничьими погонами. Синие полосы на погонах и синие петлицы указывали на то, что офицер представляет структуру с названием, три буквы которого вгоняли в оторопь и внутренних врагов, и зарубежных «друзей» Советского союза.

Офицер подошел к телу, расprostертому на земле. Человек как раз пришел в себя и попытался приподняться на культиях рук.

– Гарькин, сделайте ему обезболивающее, – распорядился подполковник, и один из солдат, расстегнув подсумок на бедре, достал необычный, похожий на пистолет, шприц, и коснулся его «стволом» плеча несчастного.

– Не... надо, – прохрипел тот, – за... чем?

– Можете говорить? – спросил офицер. Человек кивнул. – Кто Вы?

– До... ктор... Ма...льцев, – умирающий говорил отрывисто. – Не... надо... у... бейте...

– Вам помогут, – сказал офицер, скептически осмотрев человека. Вблизи зрелище представлялось еще более ужасным: тазовая кость была разломлена пополам, и торчала наружу,

содержимое брюшины вывалилось и превратилось в какие-то ошметки, все туловище покрыто рубцами и глубокими ожоговыми язвами.... «Как он еще жив?» – думал подполковник.

– У... бейте, – повторил мужчина. – Вы... не пони... маете...

– Отвечайте на вопросы, – в голосе подполковника зазвенел металл. – Вы из группы Верховцева?

– Да, – кивнул мужчина.

– Произошла авария? – спросил подполковник. Мужчина странно дернул головой:

– Да... нет... это... там смерть...

– Кто-то еще выжил? – спросил подполковник.

– Нет, – сказал мужчина, почему-то кивая. – Там... все... мертвые... но...

– Все равно надо проверить, – эти слова подполковник адресовал не умирающему, а своему заместителю. – Мартынов, берите командование, оставьте со мной Харсику и Павленко, ну, и Гарькина, конечно, с остальными спускайся вниз. Приготовьте средства индивидуальной защиты, там может быть газ...

– Не... газ, – подал голос мужчина, – это... не газ... огонь... внутри...

– Он бредит, – сказал Гарькин.

– Нет! – вскрикнул искалеченный. – Огонь... внутри! Они... заперты, но хотят... вырваться...

– Они? – прищурился подполковник. – Кто «они»?

– Им не выжить... без наших тел... – голос мужчины становился слабее, – проклятие... там все наоборот...

– Товарищ подполковник, – начал Гарькин, но кагэбист взглядом заставил его замолчать:

– Мартынов, Вы мой приказ слышали? Я не понял, почему вы еще здесь? Вперед!

– Стой... те... – попытался остановить солдат умирающий. – Не ходи... те... их червь... не умирает... и огонь... не угасает... Они заперты... внизу... в аду... но если они вырвутся... ад будет здесь!

– Чушь, – пробормотал подполковник. – Гарькин, дайте ему еще дозу.

– Это его убьет, – возразил Гарькин, доставая, впрочем, шприц, и перезаряжая его новой ампулой.

– А ты думаешь, он выживет со всем этим? – прошипел подполковник, потом, наклонившись к умирающему, тихо спросил его:

– Кто они? Что вы нашли?

– **Эреб кибаль**, – так же тихо прошептал тот. – Легенды... не лгали. Внизу то... что мы не можем пости... гнуть. Они... были... могущественными. От могущества... осталась... ярость. Они не умрут **никог...да!**

– Да кто «они»?! – прошипел полковник. – Кого вы там встретили?

– Товарищ подполковник, – ожила рация, – Вам нужно это видеть. Боже мой, тут **такое...**

– Сейчас подойду, – ответил офицер. – Оружие держите наготове – мало ли, что...

Он вновь наклонился над умирающим, и почти неслышно прошептал:

– Их можно убить?

– Только если... – сказал мужчина, и тут обрубок его тела пронзила страшная судорога.

– Он умирает, – сказал Гарькин.

– Я пока не ослеп, – зло ответил подполковник, а затем, схватив искалеченное тело за плечи, зло гаркнул:

– Если что?! Не вздумай умирать, падло, пока не ответишь!

Но тело несчастного сотрясали уже затихающие конвульсии агонии.

– Да чтоб тебя, – подполковник зло отшвырнул от себя обезображенный труп. – Вот гнида... Павленко, Харсика, Гарькин – вперед! Соединяйтесь с остальным. Оружие держите наготове, ясно?

– Так точно, – ответили в один голос десантники.

– Тогда бегом марш! – сказал полковник, выпрямляясь. Он заметил, что, когда склонился над телом, испачкал полу шинели. Сплюнув, подполковник достал из кармана небольшую одежную щетку и быстро счистил грязь.

– Вот же урод, – пробормотал он себе под нос. – Безответственный выродок...

Он развернулся в ту сторону, куда убежали его солдаты – в той стороне виднелся огромный каменный холм высотой с пятиэтажку.

– Стой, – голос принадлежал только что умершему мужчине, но был сильнее, чем при жизни. Подполковник машинально остановился, потянувшись к ножнам на ремне, из которых виднелась рукоять НРС. – Хочешь знать, как можно убить **элькибаль белети**?

– Да, – пальцы подполковника отстегнули хлястик, удерживающий нож в ножнах, и осторожно легли на рукоять. – Так как же?

С этими словами офицер постарался резко обернуться, но ему не удалось это: вокруг горла обвилось что-то теплое, склизкое, мягкое – но, при этом, невероятно сильное. Там, где нечто касалось голой кожи, подполковник почувствовал слабое, но нарастающее жжение.

– **Никак!** – ответил мертвец. – Спасибо, что привел **нам** своих людей. А твое тело послужит мне лично. Да возгорится пламя! **Алалари!!!**

...Подполковник почувствовал, как его руки обвивает такое же мягкое, но сильное нечто. Там, где оно обхватывало горло, жжение становилось все сильнее, уже причиняя боль.

– Мы в подъемнике, – сообщила рация на груди пытающегося вырваться полковника. Начинаем спуск. Наверху оставили Павленко с Харсикой. Товарищ подполковник, вы меня слы...

– Что это? – донесся из эфира другой голос; в нем явственно слышался страх.

– Н... не... – во втором голосе тоже появились нотки страха. И они нарастали, как жжение на горле, запястьях, спине подполковника.

Затем раздалась выстрелы. Их сменили крики боли, а потом наступила тишина...

Глава I: Down in the ground, when the dead mens go

Вздрыгнув, Даша проснулась. Она сидела в салоне большого пассажирского вертолета Ми-8, за иллюминатором которого тянулись однообразные панорамы Кольского полуострова. Если в мире и есть места более унылые, чем это, то их немного, думала Даша, глядя на этот пейзаж. Несмотря на то, что вертолет летел на высоте чуть больше двух километров, и обзор, таким образом, открывался очень широкий, взгляду внизу было буквально не на чем остановиться. Даже озерный край остался позади, хотя рек, речек, речушек, речушечек и прочих ручьев и ручейков хватало и здесь. Основным элементом пейзажа было его величество болото – поросшее ивняком и осотом обманчиво зеленеющее по весне пространство, гиблое для людей и животных, соблазнивших сочной зеленью. Весна еще только вступала в свои права, но природа после полярной зимы стремилась как можно быстрее предьявить свои права на жизнь и цветение.

Изредка это пространство прорезалось серо-коричневыми возвышенностями – или широкими, но чаще суженными плато, поросшими низкорослой карельской березой и кривыми соснами, или пологие холмы, напоминающие перевернутые котлы – на их вершинах также порой возвышались инвалидного вида сосенки. Время от времени внизу мелькали мелкие и крупные валуны – темно коричневые, почти черные, кирпично-красные или зеленоватые от мха, иногда даже белые, как кость. Казалось бы – красиво... но все вместе навевало на Дашу, родившуюся и выросшую в Москве, уныние, если не сказать больше.

А еще эти сны... они начали сниться Даше после того памятного дня, когда ее «бойфренд» (точнее не скажешь, не муж, даже не любовник) Макс собрал их в большом номере гостиницы на, как он выразился, учредительное собрание экспедиции.

Макс, по паспорту – Максим Браиловский, был молодым ученым – геофизиком. Всего на два года старше Даши, но он уже успел экстерном окончить аспирантуру и защитить кандидатскую диссертацию по теме «Геофизика масконов земной коры». Даша в этом ничего не понимала; она была далека от геофизики. Даша изучала искусство и подрабатывала тем, что изготавливала бюсты для ритуальных контор. Кого-то эта работа могла бы привести в уныние, но не Дашу – ей нравилось воплощать в гипсе черты незнакомых ей людей, размышляя о том, какими они были при жизни.

Порой Даша замечала за собой странности. Ей приносили посмертные маски, иногда фотографии. С большинством из них работать было просто, и, выводя пальцами черты очередного «клиента» (она не использовала никаких инструментов, кроме собственных рук), Даша чувствовала покой и некую умиротворенность. Но **некоторые** «клиенты» несли другие чувства – страдания, гнев, отчаянье... эти чувства отдавались покалыванием в подушечках Дашиных пальцев, и она не оставляла работы до тех пор, пока покалывание не исчезало, а место изначально отрицательных эмоций не занимали привычный покой и умиротворение.

Однажды Даша попыталась узнать об одном из таких «клиентов», и сильно пожалела об этом – молодой парень, красивый, как Аполлон, покончил жизнь самоубийством. Он был геом, и влюбился в другого парня, прекрасно понимая, что тот никогда не разделит его чувств – вот и наложил на себя руки. Больше Даша никогда не пыталась узнать ничего о тех, чьи скульптурные портреты делала... Но и от работы не отказывалась – даже если чувствовала, что у нее будут проблемы.

* * *

У Даши был родной брат Мишка, на два года старше ее. Он также участвовал в экспедиции; собственно, именно он когда-то и познакомил Дашу с Максом. Мишка тоже был геофизиком, учился с Максом в одной группе в Университете, но в аспирантуру не пошел, а сразу после окончания вуза, стал работать в компанию по геологическим исследованиям для частных застройщиков. В компании неплохо платили, и Мишка был весьма доволен своим выбором. С Максом Даша познакомилась как раз на дне рождения Мишки, причем последний приложил, кажется, титанические усилия для того, чтобы Макс и Даша начали встречаться. Так и получилось, но... дальше кино, кафе и выставок у Даши с Максом не заходило. Они были как металлические шарики с одинаковым зарядом – вроде, заряд один и тот же, но что-то отталкивало их друг от друга. К тому же, в это время у Макса появился очень странный друг – Александр Филиппович Македонский. Пожилой мужчина носил окладистую бороду, черную с проседью, но вид у него был такой, что любой сразу бы определил его принадлежность к какой-то из **структур**. Хотя сам Македонский не особо это скрывал.

– Он – полковник КГБ в отставке, – рассказал ей Макс во время одной из их прогулок, когда Даша полушутя, полусерьезно спросила, не собирается ли Макс поменять ее общество на общество Македонского. – Ушел давно, с тех пор вел интересную жизнь – создал ЧОП, занимался охраной ценных грузов и разных экспедиций. Весь мир объездил.

– А к тебе у него какой интерес? – спросила Даша.

– Он мне одну интригующую идею подкинул, – поведал Макс. – Подробнее расскажу чуть позже, вот слетаем в Югославию, как вернусь – поговорим.

– Хорошо, – согласилась Даша с деланным равнодушием. На самом деле, рассказ Макса ее заинтересовал, а еще больше ее интересовало, что могло объединять столь разных людей, как Макс и Македонский.

Вскоре она об этом узнала, как раз в тот день, когда состоялось учредительное собрание экспедиции. Даша была приглашена на него сначала просто как гостя Макса. К своему удивлению, она заметила среди пришедших Мишку с его новой пассией Ирой, миловидной блондиночкой в круглых очках с нулевыми диоптриями и с выкрашенными тональным шампунем в розовое прядками в волосах. Мишка уже успел познакомить Дашу с Ирой до собрания, и знакомство не заладилось – Ирочка показалась Даше через чур легкомысленной и вообще не от мира сего. В общем, как говорится, прелесть, какая дурочка... И как рациональный и целеустремленный Мишка с ней вообще сошелся?

Компания в номере подобралась весьма разношерстая. Кроме Мишки, Макса, Македонского (все на эм, как на подбор), Даши и Иры, присутствовало еще восемь человек. Во-первых, пожилой, но крепкий, похожий на штангиста-тяжеловеса в старости профессор Павел Петрович Кулешов, который у Макса и Мишки был руководителем дипломной работы. Пожилой мужчина с некогда рыжей, а сейчас седой бородой, худым лицом, изборожденным глубокими морщинами и каким-то цепким взглядом блекло-зеленых глаз представился Макарычем Тощий, сутулый парень – не крепыш, хоть и не заморыш, державшийся в стороне от остальных и все собрание пялившийся в гаджет, оказался связистом и системным администратором группы. Звали его Игорь.

Оставшиеся пятеро – трое молодых мужчин и две девушки, были людьми совсем другого типа, так сказать, от станка и от сохи, хотя ни того, ни другого ребята, вероятно, в жизни не видели. Парни были на подбор крепкими – темнокожий Генка, высокий крепыш, прекрасно говорящий по-русски, и, как выяснилось, русский до мозга костей, даром, что мулат; красавчик – блондин Феликс, похожий на молодого Эдриана Пола; обритый на лысо татуированный Кирилл, одетый в байкерскую куртку, представляли мужскую часть этой пятерки. Под стать

им была одна из девушек, Таня – высокая, спортивного телосложения, она была похожа на профессиональную баскетболистку, хотя, как выяснилось, являлась КМС по академической гребле. Другая девушка – среднего роста, кругленькая и смешливая Женя, как оказалось, была медиком.

– Я всем вам уже немного говорил о том, куда мы собираемся, – начал свой рассказ Макс, хотя Даше ни он, ни Мишка о предполагающемся мероприятии ничего не сообщали, – но, полагаю, перед выездом стоит рассказать подробнее. Если кто-то из вас после этого откажется от участия – я пойму. Не все упирается в деньги.

– А что, это так опасно? – спросил Феликс.

– Трудно сказать, – ответил Макс. – Я расскажу вам, а вы уж сами для себя решите, опасно это, или нет. Наверно, все вы слышали байки про Кольскую сверхглубокую?

Команда вразнобой закивала.

– В начале девяностых эта скважина достигла рекордной глубины в двенадцать с лишним километров, – продолжил Макс. – После чего была закрыта. Это породило массу домыслов, даже рассказывали про какое-то существо, якобы, вырвавшееся из скважины, – Макс фыркнул, – посмотрел бы я на это существо, которое двенадцать километров ползло по туннелю шириной в двадцать сантиметров! На самом деле, ничего сверхъестественного на КСС, конечно, не происходило, и, на первый взгляд, остановка проекта имела совершенно банальную причину – наступали девяностые, и денег на такие проекты просто не было, но...

Макс сделал паузу, и оглядел присутствующих. Ему явно удалось их заинтересовать.

– Авария все-таки была, – продолжил он. – Правда, не на Кольской сверхглубокой. В трехстах километрах к востоку от Мурманска, в пустынной Кольской тундре есть, на первый взгляд, ничем не примечательное плоскогорье. В начале восьмидесятых на этом плоскогорье был начат удивительный проект. Начнем с того, что проект был частным – можете себе представить, что это означает, в условиях СССР, где даже на частное мнение смотрели косо. Финансировал проект некий югослав. Проект анонсировался как испытание горного оборудования в сложных условиях, и инвестор обещал, по окончании работ, передать государству пакет документации на это оборудование – проходческий агрегат сверхглубокого бурения. Поэтому ему и выдали разрешение на работы. Заведовал проектом молодой и талантливый, если не сказать больше, ученый – Мстислав Верховцев.

Даша заметила, что, при словах Макса о Верховцеве профессор Кулешов странно поморщился, а Макарыч – загадочно улыбнулся. Что это значило, она не поняла, но для себя этот момент отметила.

– В группе Верховцева, конечно, был представитель КГБ, – продолжил Макс. – Раз в три дня он передавал на Лубянку отчет о работе. Часть этих отчетов мне предоставил Александр Филиппович.

Македонский степенно кивнул.

– Вероятно, эта проходческая платформа, действительно, была очень эффективна, – продолжил Макс. – Первый запуск произошел в апреле восемьдесят четвертого, а к февралю платформа уже прошла глубину в десять километров – удивительная скорость! Но в конце марта отчеты на Лубянку приходить перестали. Встревоженные кураторы проекта попытались выйти на связь со своим представителем, и им долгое время это не удавалось, а потом пришло короткое сообщение: «ЧС. Не ходите. Здесь ад».

Ира заметно вздрогнула.

– Естественно, после такого сообщения, было решено отправить на станцию группу, которая бы на месте разобралась, что к чему. Группа из состава знаменитой «Альфы» отправилась на станцию в конце апреля, а вот что было дальше – тайна. Мы с Александром Филипповичем выяснили, что группа не вернулась. Вероятно, чернобыльская авария застопорила

дальнейшее расследование этого дела. Как бы там ни было, о проекте «Б-11» забыли на тридцать лет.

Макс сделал паузу, взял стакан, стоявший на журнальном столике и отхлебнул из него сок:

– В итоге мы имеем вот что, – сказал он. – В Карелии на большой глубине лежит некое устройство, которое теперь, по сути, не принадлежит никому. Судя по всему, платформа Верховцева сумела добраться до той же глубины, что и знаменитая Кольская сверхглубокая – если не еще глубже. Есть люди, заинтересованные в установлении истины о том, что же произошло на одиннадцатой много лет назад, а главное – профинансировавшие экспедицию, которая сможет это узнать. Нашу, то есть, экспедицию.

О том, что тогда произошло, ничего не известно. Возможно, было что-то банальное, вроде взрыва подземного газа или еще что-то в том же духе. Мы этого не узнаем, если не побываем там. Конечно, может быть все, что угодно, но мы к этому подготовились. Вся группа будет снабжена необходимыми средствами защиты, включая новейшие разработки, такие, как полностью изолирующие от воздействий неблагоприятных сред костюмы, респираторы закрытого типа, в которых можно хоть год провести без доступа кислорода извне, графеновые комбинезоны, защищающие от механических повреждений, включая крупнокалиберные пули. Обычные бронежилеты тоже будут.

У нас будет самое современное оборудование, в том числе, мощный электрохимический генератор и даже разведывательный беспилотник. Будет у нас и оружие. В общем, мы будем готовы ко всему... но я могу понять тех, кто откажется. Неизвестность всегда страшит. Не хочу, чтобы потом кто-то сказал, что я его не предупредил о возможных... нюансах мероприятия. Какие у кого мысли на этот счет?

Даша отметила, что напуганной казалась только Ира. Но она высказалась первой:

– Ну... я от поездки не откажусь. В этом месте кроется какая-то тайна, а тайны – это всегда немного страшно. Север России – одно из тех мест на Земле, которое людям известно очень мало. А ведь древние рассказывали о том, что когда-то за полярным кругом существовала развитая цивилизация, и мы вполне можем нести в себе гены этой цивилизации. Ради правды можно и рискнуть...

– ... тем более, что с тобой буду я, – сказал Мишка с воодушевлением. – А уж я-то точно не отступлюсь. Я в деле с самого начала.

– Ну, что там может быть такого? – пожал плечами Феликс. – На такой глубине? Я, конечно, в геологии – что свинья в апельсинах, но даже мне понятно, что десять километров – это почти у самого края мантии. Я в деле.

– Я тоже, – коротко сказал Волосатый, и покосился на Генку.

– И я, – лениво ответил тот. – Мне еще с карантина хотелось куда-нибудь рвануть, но куда-то в интересном направлении. Почему бы не Карелия?

– В такой компании, – сказала Женя, – с такими ребятами и девочками... с удовольствием. А то, что там что-то произошло... в жизни есть более страшные вещи, чем аварии на шахтах, уж поверьте моему опыту.

– Сказала, что еду, значит – еду, – отрезала Таня. – И плевать на обстоятельства. Не черти же в этой шахте засели?

– Может, и черти, – не согласилась с ней Ирочка. – Люди часто относят к нечистой силе то, чего не понимают. А известный исследователь палеоконтакта, Эрих фон Деникен, говорил, что...

– Милая, потом доскажешь, – остановил ее Миша. – Дай высказаться остальным, хорошо?

– ...что рожки, с которыми изображают чертей – это антенны инопланетных скафандров, – машинально продолжила Ира, но осеклась и добавила: – хорошо, милый.

– Я еду, – добавил Игорь, стоявший чуть позади Тани, глядя на нее. – В чертей я не верю, а поработать со связью в таких высоких широтах будет интересно. Надеюсь, что оборудование будет на высоте?

– Самое лучшее, – заверил его Макс. – Но учти, даже с самым лучшим оборудованием наладить там связь – непростое дело.

– Учту, – кивнул Игорь.

– Я не услышал ничего такого, что могло бы меня убедить отказаться от поездки, – сказал Макарыч. – Единственно, надеюсь, вы будете не против курильщика в компании? Если нет, я в деле. А вот профессор наш, наверно, откажется...

– С чего Вы взяли? – удивился Кулешов.

– Знаю я вашу породу, – ответил Макарыч, – вы когда видите что-то, что не влезает в прокрустово ложе вашей официальной науки, сразу назад сдаете.

– Может, кто-то другой, но не я, – холодно заметил Кулешов. – Я почти полвека своей жизни посвятил геологии, а тут такой шанс увидеть все это своими глазами! Вы думаете, я откажусь? Да ни за что!

– Хорошо, – сказал Макс, – раз все высказались...

– Я не высказалась, – ответила Даша. Макс удивленно посмотрел на нее:

– Даша, но тебе вовсе не обязательно ехать...

– То есть, ты бы меня даже не пригласил? – улыбнулась Даша. – Но затащил на это собрание... зачем? Если для того, чтобы заманить меня в экспедицию, то поздравляю: у тебя получилось. А если для того, чтобы напугать, так после твоего рассказа я только больше заинтригована. И, если на борту есть место...

– Для тебя – конечно есть, – улыбнулся Макс. – Но Даша... да и все остальные... я ведь не пугать вас хотел. Я честно предупредил обо всем. Может, не совсем обо всем – например, не упомянул, что местные жители – саамы, считают это место проклятым, и обходят его десятой дорогой. Та местность, куда мы летим, называется Чоккаперкальм...

Ирочка даже взвизгнула от удовольствия.

– Как-как? – переспросил Мишка.

– Чоккаперкальм, милый, – Ирочка с легкостью произнесла это сложное слово, – в переводе с саамского – могила острого колпака.

Генка фыркнул.

– ...причем все три слова относятся к дофиноугорскому субстрату саамского языка, а сам этот субстрат...

Мишка воздел очи горе:

– Ирочка, давай ты чуть позже расскажешь мне. Думаю, другим это будет неинтересно.

– Не слушай его, Ира, – подмигнула Женя. – Всем интересно, ты такие увлекательные вещи рассказываешь! И так умеешь заинтересовать.

Макс кашлянул:

– Я согласен с Женей, – сказал он. – Думаю, Мишка, да и все остальные, тоже с ней согласны. Но Ира, если мы будем слушать лекции по языкознанию – собрание затянется. А многие из присутствующих приехали после работы, наверно, устали за день.

– А еще, сегодня пятница, и граждане страны желают пива, – тихо заметил Генка. На него никто, кроме Даши, не обратил внимание.

– Командир, – сказал Макарыч, – как ты знаешь, я сам родом из тех мест, и байки эти слышал с детства. Послушать саамов, так вся Кола кишмя кишит разной нечистью, а уж в Понойской тундре нормальному человеку и делать-то нечего. Но знаешь, за свою жизнь я там бывал, куда мой батя телят не гонял, и везде одно и то же – местные пришлых не любят, стараются их запугать. Так что брось ты это дело. Кстати, про то, что в тех краях пропадали отдельные люди и целые экспедиции, тоже можно не говорить – за Полярным кругом так везде. Тундра

коварна – там легко заблудиться, легко в болото попасть. Но мы – люди учёные, и запросто не пропадем, да, молодёжь?

Молодежь дружно закивала.

– Понятно, – сказал Макс, – напугать вас, значит, не выйдет. Если честно, мне это нравится. И Александр Филиппович – вы все с ним, конечно, знакомы, – так мне сразу и сказал. Потому у меня есть предложение...

Макс выдержал паузу, и сказал:

– В общем, нам стоило бы обсудить детали. Сверить, так сказать, часы. Это правильно, но... сегодня пятница. Вы устали после рабочей недели. Давайте переведем это в другую форму. Я слышал, что граждане страны желают пива? Так почему бы нам не посидеть в баре за бокалом пенного? Там все и обсудим.

* * *

На пиво, сославшись на занятость, не пошел только академик Кулешов. Даша, однако, про себя решила, что тот просто не счел их компанию достойной его академического высочества. То есть, в экспедицию с этими маргиналами поехать, конечно, можно, а вот пиво с ними распивать...

Даша почти не пила. Она могла себе позволить пару раз в год пропустить пару рюмок на каком-то мероприятии, или вот так вот посидеть с бокалом пивного пунша, довольно приятного на вкус, в хорошей компании, но не более того. В разговоры Даша тоже почти не вступала. Она смотрела.

Даша любила смотреть на лица людей, хотя сама она делала скульптуры больше по фотографиям и посмертным маскам, Даша не понимала преподавателей, которые учат ваять по неподвижным моделям. Скульптурный портрет может быть довольно точным, но он никогда не выйдет **живым**, если ты не видишь лицо человека в движении.

Хотя иногда Даша даже создавала скульптуры людей, которых никогда не видела в жизни. Причем, почему-то, именно они были для Даши самые дорогие. Среди них выделялись танцующая балерина и «терминатор» – мужчина в косухе с обожженным лицом. Обе скульптуры вместе с ее собственным автопортретом, стояли в нише комнаты, которую Даша отвела себе под мастерскую, и Миша в шутку называл эту компанию «пенаты Даши». Но такое бывало редко. В основном, изваять скульптуру Даша могла, лишь вдоволь наглядевшись на мимику оригинала. То есть, не то, что могла – только такая скульптура получалась настолько хорошо, что казалась самой Даше живой. Если не считать тех двух, что были ее ларами, конечно – Даша звала их просто: балериной и терминатором. Они тоже были живыми, и порой Даше казалось, что балерина вот-вот поплывет в танце по комнате, а «терминатор»...

А мужчина с обожженным лицом, ничуть не похожий на Шварценеггера, подойдет и молча ее обнимет.

– Значит, недели всем хватит? – спрашивал Македонский. – Или дать вам две недели, чтобы уже точно?

– Две недели, конечно, лучше, – заметил Макарыч. Он заказал какое-то очень темное и крепкое чешское пиво и к нему – вяленую рыбу, которую ел, не разделявая, только косточки хрустели. Вообще, Макс расщедрился, пива и закусок на столе хватало. – Я-то и за три дня управлюсь, но... две недели, короче, лучше.

– Так и запишем, – кивнул Македонский. – В общем, второго выезжаем, к четвертому будем на месте. Как раз то время, когда полярный день еще не наступил.

– Так там что, ночь? – испугалась Ира. Мишка вздохнул:

– Ирочка, между полярным днем и полярной ночью есть время, когда солнце уже всходит утром, но еще заходит вечером. Межсезонье такое.

– А, понятно, – кивнула Ира. – Я таких простых вещей не знаю...

– Зато ты знаешь много такого, чего не знают другие, – улыбнулась ей Женя.

– Вот кстати, – сказала Ира. – Макарыч... простите, не знаю, как вас по имени...

– Просто Макарыч, – ответил тот, протягивая руку к блюду с рыбой. Даша заметила, что на безымянном пальце у Макарыча вытатуирован перстень с черным квадратом. А еще – каждый из пальцев украшала цифра, вместе они складывались в число 1992. «Это же зоновская татуировка!» – поняла Даша, но отчего-то не испугалась. Несмотря на перстень (как потому узнала Даша – символ того, что его обладатель отсидел «от звонка, до звонка», а цифры на пальце означали дату выхода на поселение), Макарыч не казался ей страшным. В его лице было что-то печально, трагичное, но не злое.

– Макарыч, а расскажите что-нибудь... – начала Ира, и смущенно запнулась, – ну, из легенд. Вы говорили, что с детства их слышали.

– Между мной и моим детством пропасть глубже любой сверхглубокой скважины, – сказал Макарыч, прихлебывая пиво из уже почти пустого бокала. Пил он быстрее других; Макс, заметив это, подозвал кельнера, и попросил повторить «для нашего друга». – Да, в общем, ничего оригинального. Про чакли – это такой маленький народ. У них лица на затылках, а еще они людей воруют, и делают из них других чакли.

– Детей? – переспросил Генка.

– И детей, и взрослых, – ответил Макарыч. – Они хоть и маленькие, но сильные, как бугай. Еще говорят о Царе Подземелий – у него сила ста молодцов, разум ста мудрецов и что-то там еще, он, дескать, ест людей и может приобретать их обличья... – Макарыч взял у кельнера полный бокал, и жадно выпил. Кельнер забрал его пустой бокал. – Хотя нет, одна легенда мне запомнилась. Была одна молодая саамка, и влюбилась она в проезжего помора. А ее родители уже засватали за другого саама. Помор помог ей бежать. Искали саамы беглянку по тундре, да не нашли, в отличие от ее возлюбленного, точнее, его трупа. Труп тот весь измочален был, решили, что это волки, что той зимой лютовали. Ну, и подумали, что девушку тоже волки разорвали – не стали больше искать. Погоревал саам-жених по неверной невесте, да и забыл, на следующую осень взял себе другую. Случилось ему ехать к Ловозеру от Святого носа, где...

Генка даже пивом поперхнулся:

– Откуда, говоришь, он ехал?

Макарыч строго глянул на него:

– От Святого носа. Нос – это мыс по-поморски, да и говорят, что само слово «мыс» от слова «нос» произошло. Мы вот как носок ботинка называем? Мысок, правильно?

– Ага, – согласился Генка. – Но все равно смешно. Святой Нос! – и он хохотнул еще раз.

– Ген, тебе неинтересно, ты не слушай, – сердито сказала Ира. – Макарыч, а дальше-то что было?

– Короче, ехал он на Ловозеро, – продолжил Макарыч, – там по осени лосось так идет, хоть руками из воды вытаскивай. Но дело не осенью, под зиму было. Голодная та зима была, вот и решил саам на озеро поехать, хоть немного рыбы поймать, чтоб совсем на одной коре да ягеле до весны от голоду не пухнуть. Жену с дитем у родителей оставил, на Святом носу...

Генка булькнул в кружку пива, из которой прихлебывал, но, заметив взгляд Иры, который, наверно, дыру бы в нем прожег, если бы была такая возможность, оставил название мыса без комментариев.

– ...а сам поехал, – продолжил Макарыч. – И так случилось, что, по всем приметам, путь его должен был быть гладок – погода стояла хоть и зимняя, да ясная, и не должно было быть никаких неприятностей.

Однако погода Кольская коварна – на полпути застал саама буран. Закружил, завертел, как водоворот щепку, думал уж саам, смерть ему будет в том буране. Ан, нет – добрался до каких-то скал, забился в ущелье, и решил, что переждет буран в этом месте. Снегу снаружи

навалило столько, что и вход в ущелье закрыло – для тех краев такое не в диковинку. За скалами ветер воет, словно черти дьявола отпевают, а сааму ничего: собрал валежника сланцевого, костер разжег, греется да думает, как отсюда до Ловозера добираться, когда буря уляжется...

И тут слышит саам – снег хрустит за спиной. Обернулся он, глядит: стоит его невеста-беглянка. А он, надо сказать, хоть и другую уже взял, а о той все забыть не мог. Бросился он к ней, она стоит, как ушла – в шубе-парке, в унтах, сама бледная, как без крови, даже губы синие. Начал он ей говорить: мол, знал бы, что ты жива, в жизни бы другую не взял, принял бы тебя, как есть...

И тут она усмехнулась ему, и говорит: как есть? А сейчас возьмешь?

Он: да, говорит, возьму. Она его на снег толкнула, он упал, а она шубу свою расстегнула, сбросила, а под ней – только тело нагое.

– Эротика пошла, – заметил Феликс.

– ...а на теле этом, – продолжил Макарыч, – дырки с кулак! Все внутренности видать! Закричал саам, да что уж в тундре кричать. А из дырок как полезли черви! И на саама напали, да как давай его живьем жрать! А невеста его только хохочет...

Ира побледнела, Игорь и Таня тоже примолкли. Даже Генка с Феликсом, отставив кружки, смотрели на Макарыча.

– А история эта откуда известна стала? – спросил Волосатый, подхватывая с тарелки мясные чипсы. – Кто рассказал? Саам, заживо сожранный, или девка с дырами по всему телу и внутренностями наружу? Они ж там, как я понял, вдвоем были?

Макарыч фыркнул, и отхлебнул еще пива:

– За что купил, за то и продаю. Я ж говорю: байка все это, не больше.

– Я такую же историю в Сирии слышала, – тихо сказала Женя. Феликс и Волосатый тут же уставились на нее:

– Ты была в Сирии?

– А что такого? – пожала плечами Женя. – Работала в госпитале в Хмеймиме, два года.

– Круто, – сказал Феликс. – Я просто там служил по контракту, и Волосатый, как я понял, тоже.

– Да, в ДШБ, – подтвердил Волосатый. – Даже в твоём госпитале побывал, когда меня пулей чиркнуло...

И Женя, Феликс и Волосатый выпали из беседы, образовав собственный «чат» – о своих сирийских приключениях. Остальные сидели молча, и Даша подумала, что, если Макс желал напугать участников, то Макарычу, кажется, это удалось. Но от участия никто так и не отказался.

* * *

– Может, переночуешь у меня? – спросила Даша Мишку, когда они вышли на улицу подышать свежим воздухом. Мишка закурил, Даша вышла просто за компанию.

– Чего так? – спросил Мишка.

– Если честно, мне от этих историй не по себе как-то, – призналась Даша. – Так как?

– А ее я куда дену? – спросил Мишка, кивнув в сторону Иры, стоявшей в компании Генки, Феликса, Волосатого и Жени. Оттуда то и дело доносились взрывы смеха.

– Ну, так заезжайте оба, – предложила Даша.

– И как я это объясню? – спросил Мишка. – Скажу, что тебе стало страшно?

– Ну, как знаешь, – вздохнула Даша. Миша выпустил дым, и спросил:

– А что Макс? Занят сегодня, что ли?

– Мы с ним... – Даша смутилась. – Он у меня еще на ночь не оставался. И я у него тоже. Мишка присвистнул:

– Вы ж уже столько вместе...

– Ну... вот так, – пожала плечами Даша. – Может, я не такая современная. Но как-то... не знаю. Не чувствуя я, что готова к этому.

– Так чего же ты тогда в поход с нами напророчила? – удивился Мишка.

– Ну, во-первых, экспедиция мне интересна сама по себе, – ответила Даша. – Я еще в таких диких местах еще ни разу не бывала. А во-вторых... мне кажется, что это для нас с Максом шанс сблизиться.

– Сблизиться удобнее в московской квартире, а не посреди тундры, – фыркнул Мишка.

– Пошляк ты, братец, – сказала Даша, и показала Мишке язык. Они помолчали.

– А сам-то ты что об этом думаешь? – спросила Даша. Мишка щелчком отбросил окурок:

– Честно? Думаю, пустое все это. Большинство таких историй оказывается какой-то банальщиной: обвал, пожар, взрыв газа. Как с тем же перевалом Дятлова – банальная лавина, а накрутили не весть чего...

Он опять посмотрел в сторону Иры, и встретился с ней взглядом. Ира улыбнулась, и послала ему воздушный поцелуй. Мишка ответил ей тем же, и продолжил:

– Ирочка-то вся воодушевилась, мечтает найти не то инопланетян, не то атлантов... ну откуда все это добро на такой глубине? Ну ладно, пусть себе мечтает, мечты делают людей прекраснее. А я лично думаю, что мы там найдем, в лучшем случае, заброшенную базу и обвалившуюся штольню. Только Макс не говори про мой скептицизм, мало ли, что...

Так что домой Даша поехала одна. Как на зло, на первом этаже в подъезде не горела лампочка: видно, не успели заменить. Даша ждала лифт, прижавшись спиной к стене. Совсем темно на площадке не было – проникал свет с пожарной лестницы, но легче от этого не становилось. Даше казалось, что тени шевелятся, словно змеи, словно те черви, которые выползли из тела саамской невесты... брр...

Когда Даша входила в лифт, она мельком глянула в зеркало на его задней стенке, и, чуть было, не вскрикнула – за ее спиной явственно виделся угрожающе-черный силуэт. Лишь когда двери закрылись, она поняла, что силуэтом была ее собственная тень. Заходя в квартиру, Даша жалела, что не завела себе никакой живности – тишина и темнота в квартире угнетали. Даша включила свет везде, где могла, включила телевизор на какой-то музыкальный канал, где крутили какое-то старье (конкретно сейчас звучала песня группы «The Pougues», которую Даша знала, поскольку когда-то любила андеграунд), и пошла в душ. В душе она сначала подумала о том, жив ли еще Шейн Мак Гоуэн? С учетом того, сколько он пил – вряд ли. Незаметно для себя, Даша стала напевать:

What the hell's that over there,
A putrefying corpse sitting in that chair,
Where no one ever wants to go,
Down in the ground where the dead men go!¹

– Очень в тему, – заметила себе Даша. – прямо про нашу компанию. «But we all want to go down in the ground where the dead men go²».

Ей снова стало не по себе. К счастью, по телевизору была уже другая песня, «Knockin' on heaven's door» группы «Guns and Roses».

¹ Что происходит, скажи, наконец, Стул почему мой занял мертвец? Но не один не захочет пойти, В мрак под землёй, где все мертвецы! (Ш. Мак Гоуэн «Down in the ground where the dead men go»; Пер. Алекс Вурхисс);

² Но мы все хотим пойти в мрак подземный, где все мертвецы;

– Рай все-таки лучше, чем подземное царство мертвых, – заметила Даша, решив не переключать канал, хотя сначала хотела. – А что до мертвых, с ними мы уже знакомы не понаслышке. Ничего в них страшного нет...

Спать не хотелось, и Даша решила поработать. Она часто работала по ночам, даже с посмертными масками, и совсем не боялась. За работой она всегда чувствовала себя невероятно сильной и спокойной...

* * *

У Даши бывали, конечно, и творческие неудачи. Например, ей так и не удалось сделать скульптурный портрет Макса. Казалось бы, нет ничего проще – у «бойфренда» Даши было правильное лицо с выразительными чертами и волевым подбородком. Прямо-таки античный профиль... и поди ж ты, не выходило ничего, хоть плачь.

Даша отложила незаконченную голову Макса, и, взяв новый ком глины, стала задумчиво разминать его в руках. Она решила за неделю вылепить всех членов команды (портреты Мишки и Иры, а также ее собственный автопортрет у нее уже были). Зачем – Даша не знала. Ей захотелось. Почему нет?

У нее это почти получилось, и к моменту отъезда на полке стояли бюсты почти всех участников команды. Ехидно шурился Макарыч, задумчиво смотрела Женя, дерзко – Таня. Отстраненно взирал Игорь, хмурился Волосатый, широко улыбался Генка, профессор Кулешов, казалось, вот-вот разразится какой-то сентенцией, а у Феликса на лице было выражение, которое молодежь называет «покерфейс». Рядом стояли упомянутые уже бюсты самой Даши, Мишки и Иры.

А вот Макс так и не получился. Даша еще раза три приступала к работе над ним – и три раза отступала. Но еще хуже пошло дело с Македонским.

У Александра Филипповича было породистое, красивое лицо, с правильными чертами, но он был похож, скорее, не на легендарного завоевателя Азии, а на его мудрого воспитателя. Кажется, Македонский сам стремился подчеркнуть это сходство – прической и густой бородой, очень похожими на те, что были у великого философа. Аристотеля Даша уже ваяла, и грешным делом, решила, что будет просто.

Не тут-то было. Посмотрев через сорок минут от начала работы на то, что вышло из-под ее пальцев, Даша раздраженно стерла все до того тщательно выводимые черты лица. Есть такие горе-скульпторы, у которых в работах и портретное сходство есть, а сами скульптуры какие-то **неживые**, словно ваяли не человека, а мертвеца. Клиенты ценили Дашу за талант вдыхать жизнь в изображение уже умерших; но сейчас то, что выходило из-под ее пальцев, а ваяла Даша всегда только голыми руками, презирая резцы, даже мягкие, деревянные и пластиковые лопаточки, было **мертвым**. Словно Даша готовила Александру Филипповичу посмертную маску.

Отставив на полку изуродованную ею же самой голову, Даша достала из шкафчика бокал и бутылку красного сухого вина, привезенного Максом из Италии и подаренного ей. Вино было не особо известно, какая-то коммуна Ризоли, но очень вкусным и ароматным. Еще одной особенностью Даши были обостренные с детства обоняние и чувство вкуса, компенсирующие с лихвой ее крохотную, в полдиоптрии, близорукость. Многие вина Даша не могла пить вовсе – это только кажется, что «ароматизаторы, идентичные натуральным» идентичны натуральным – для Даши они так явственно отдавали химией, что пить эту гадость она не могла себя заставить.

Плеснув вина в бокал, Даша посмотрела на свою любимую неразлучную парочку – балерину и терминатора.

– Наверно, я сегодня чересчур пьяна, чтобы работать – сообщила она им, хотя выпила-то всего ничего. – Надо спать, правильно? Вот что, прикорну-ка я здесь, на диванчике.

Она приглушила свет, взяла с полки верблюжий пледик и подушку – в мастерской она засыпала частенько, и забралась на глубокий, но неширокий диванчик, какие покупают для младших школьников или любимых крупных собак. Опустила бокал, отставила его на тумбочку в изголовии, послала терминатору воздушный поцелуй... по телевизору Тилль Линдеманн пел о том, как ему плохо без какой-то женщины, с которой он, вроде как, и рядом, а на самом деле, очень далеко. Под эту песню Даша и заснула....

* * *

Через большое панорамное окно лился солнечный свет – какой-то по-зимнему неприятно яркий. Даша открыла глаза, и увидела сидящего в изножье кровати Макса.

– Который час? – машинально спросила она.

– Полчетвертого ночи, – ответил тот.

– Какой ночи? – жмурясь от яркого света, сказала Даша. – Солнце светит прямо в глаз, день на дворе.

– Полярный день, – подтвердил Макс. – Теперь полгода солнце вообще не будет заходить.

Отчего-то информация о полярном дне не показалась Даше странной. Ее больше беспокоило другое:

– А как ты здесь оказался? Я тебе, вроде, ключей не давала...

– Ты дверь закрыть забыла, – сообщил Макс. – Я закрыл, когда входил, но вообще говоря – это неразумно.

– У меня голова совсем не варит после вчерашнего, – сказала Даша. – А вообще, с чего ты решил среди ночи в гости завалиться?

– Ночь – лучшее время для любви, – сообщил Макс, подходя к Даше. – Мы с тобой сколько вместе?

Даша не ответила. Она была напугана. Двигался Макс не так, как обычно. Как-то неправильно двигался.

– Думаешь, мне ничего не хочется? – говорил Макс. – Ты мне нравишься. Очень, очень нравишься. Я хочу тебя. Я хочу твоё прекрасное тело...

Речь Макса изменилась. Голос стал низким, в нем звучали какие-то шипящие нотки.

– Я еще не готова, – ответила Даша, чувствуя, что ее голос дрожит. Но теперь Макс не стал ей отвечать – просто схватил за плечи и стал целовать ее губы, щекача их языком. Даша попыталась его оттолкнуть, но не тут-то было – вместо этого она сама повалилась на диванчик, а Макс навалился сверху, разрывая на ней ночную рубашку...

И тогда Даша, выбросив вперед руку, ударила Макса пальцами по лицу. На миг ей показалось, что под рукой не плоть, а глина, а потом она увидела, что ее пальцы, действительно, мнут плоть Макса как податливую глину, стирая с головы его лицо.

Упершись коленом в живот Макса, Даша все-таки оттолкнула его от себя. Макс, лицо которого превратилось в бесформенное месиво, отступил на два шага; при этом он продолжал расстегивать свою рубашку, а черты лица, сами по себе, изменились и приобрели сходство с Александром Филипповичем. Македонский улыбался:

– То, что мертво, умереть не может, – говорил он неестественно искривленным ртом. – то, что в аду, уже не боится кары. *Ignе Natura Renovatur Integra*, потому, что плоть человека очищается огнем, как жертва на алтаре очищается солью...

Лицо Македонского было живым, причем с каждым мгновением все более живым; но под его рубашкой Даша с ужасом увидела мертвую, гниющую плоть, изъеденную червями. Черви выползали из ран и вползали в прорехи плоти, и это зрелище вызвало у Даши тошноту. Понимая, что страшное существо вот-вот бросится на нее, чтобы завершить злодейство, Даша лихорадочно стала искать, чем бы защититься.

Она столкнула пустой бокал с тумбочки, но, к счастью, нащупала на ней забытую ранее глиняную чашку. Схватив ее, Даша распрямилась, как тетива, и швырнула чашку в голову Македонского. От удара голова раскололась пополам, как цветок, и в образовавшейся алой воронке Даша увидела множество острых, змеиных зубов.

Она закричала, и...

...и проснулась. В окно лился солнечный свет, по телевизору пел Элис Купер...

...заготовка головы Македонского стояла на полке, но ее словно пополам раскроили, и Даша сразу поняла, как: в глине увязла ее любимая чашка для чая...

Глава II: Одинокая могила

Несмотря на дурной сон, и все, что его сопровождало, Даша не отказалась от участия в экспедиции. Оставшееся до вылета время она потратила на то, чтобы сделать бюсты всех участников группы – это почему-то казалось ей важным. Не получились только Макс и Македонский, точнее, сама Даша не стала заканчивать ни того, ни другого, хотя дурные сны ее больше не беспокоили.

Перед самым отъездом Даша забежала к своей соседке, Маше Нефелимовой. Соседка была довольно странной, немного нелюдимой. Жила одна, и чем она занимается, Даша понятия не имела. Внешне она была того же типажа, что и Таня – высокая, атлетического сложения, с золотисто-русыми волосами, напоминавшими по цвету созревшие колосья.

– Маш, – сказала Даша соседке, – я тут собираюсь в отпуск – ты не могла бы заходить ко мне поливать цветы?

– Как часто? – спросила Маша. – У меня командировка будет в конце недели, дня на три.

– Три дня они переживут, – улыбнулась Даша. – Зайди до командировки, и после, а там уж и я вернусь. Так как?

– Ну, почему нет? – согласилась соседка. – Заодно, коллекцией твоей полюбуюсь. Очень мне твои работы нравятся, особенно балерина.

– У меня несколько новеньких появилось, – сообщила Даша. – А вот Макс не выходит почему-то.

– Потому, что ты ему подсознательно не доверяешь, – заметила Маша. Она всегда говорила прямо, без экивоков. – Хоть убей меня – вы с ним не пара. Скользкий он какой-то.

– Ну... – протянула Даша. – А других нет. Не ждать же своего принца до скончания века.

– Принцев не надо ждать, – согласилась соседка. – Принцев надо искать. Ладно, счастливой дороги. Буду поливать твои цветочки раз в три дня, пока не приедешь. Как вернешься – звякни на мобилу, номер ты знаешь....

Наступил день выезда; на «Сапсане» добрались до Питера, затем, на комфортабельной, но медленной «Арктике» прибыли в Мурманск. Даша недоумевала, почему надо ехать поездом, если до Мурманска из Москвы можно было взять чартер, и хотела уже спросить об этом Макса, но потом поняла – для того, чтобы команда лучше раззнакомилась и притерлась. Уединиться с Максом ей не пришлось – они даже ехали в разных купе: Макс – с Мишкой, Македонским и Кулешовым, Даша – с Ирой, Женей и Таней. Еще в одном купе разместились Макарыч, Игорь, Феликс и Волосатый, а Генка должен был их встретить в Мурманске. И встретил – в компании пожилого мужчины, представившегося Олегом. Олег оказался пилотом, частным воздушным извозчиком. Он промышлял тем, что устраивал воздушные экскурсии по Кольскому полуострову для иностранцев. Македонский его хорошо знал, с давних времен, как он сам пояснил, и утверждал, что на Олега можно положиться.

Прибыли они в полдень. Погрузив ручную кладь в микроавтобус Олега, команда отправилась на аэродром, где их ждал вертолет. В вертолете оказалось несколько ящиков, которые Олег с Генкой в него заранее погрузили.

– Остальное оборудование в контейнере, – отчитался Генка. – Контейнер и бытовка стоят на площадке, их пока еще пограничники не смотрели. Тут с этим строго, поскольку граница рядом, и нет-нет, а контрабанду возят. Ну, и по северному берегу базы флота – тоже бдительность нужна, сами понимаете.

– А с тем, что в вертолете, проблем не было? – спросил Македонский, подкуривая. Курил он сигариллы, по всему – довольно дорогие.

– Да нет, – пожал плечами Гена, – они же не по морю пришли, а по железке, там досмотра нет. То есть, есть, конечно, но формальный. А у нас все документы в порядке.

– Хорошо, – кивнул Македонский. – Тогда не будем тянуть кота за... – он зыркнул в сторону Иры, Жени и Тани, стоявших неподалеку, и закончил, – за хвост. Погружаемся в вертолет и летим.

Вертолет оказался довольно комфортабельным, и вообще, экспедиция стала напоминать простую прогулку, особенно, поначалу. Олег сделал небольшой крюк, показав команде знаменитую Кольскую сверхглубокую – в ней не было ничего загадочного или устрашающего, просто буровая вышка посреди тундры, такие порой мелькали за окнами поезда по дороге в Мурманск, да и во время полета появлялись. Вообще, в начале полета им то и дело встречались селения, дороги, какие-то здания, так что край не выглядел таким уж пустынным. Они летели вдоль реки Колы до Оленегорска, который до этого проезжали на поезде. У Оленегорска повернули, пролетев вдоль Хибин, плоскогорья которых возвышались над унылым тундровым пейзажем. Олег, видимо, привыкший проводить экскурсии в этих краях, рассказывал о том, что можно видеть в иллюминатор, бойко называя труднопроизносимые названия вроде Часначорра или, прости, Господи, Ангвундасчорра.

– У нас, оказывается, своих Эйяфлатлайокудлей хватает в заполярье, – хохмил Мишка, безукоризненно выговаривая труднопроизносимое название исландского вулкана.

– Дальше таких высоток не будет, – сказал Олег, – за Ловозером самые крутые горы – так, холмы, метров шестьсот максимум.

Услышав знакомое название, Даша вздрогнула. Макс на это не обратил внимания, а сидевший перед ними на одиночном кресле Макарыч – заметил:

– Что, Даш, байку мою вспомнила? Брось, пустое это. Ловозеро – это просто большое озеро, не такое, конечно, как Имандра, зато рыбы в нем больше. Да ты сама посмотри, как раз над ним пролетаем.

Действительно – Олег даже снизился немного, чтобы вид был еще более величественным. Большое озеро вытянулось с севера на юг, отражая ясно-синее, высокое небо; над ним нависала поросшая хвойным лесом громада труднопроизносимого Ангвундасчорра, а на другом берегу, к которому и летел вертолет, тянулась ровная, унылая тундра. Отчего-то Даше стало тяжело на душе. Тундра казалась каким-то гиблым местом, более гиблым, чем Гримпенская трясина. Какие собаки Баскервией водятся на этом бескрайнем пространстве? Кто знает...

Решив, что дальше смотреть не имеет смысла, Даша прикрыла глаза, и попробовала задремать. Как оказалось, зря.

* * *

– С тобой все в порядке? – спросил Макс. В его голосе слышалось беспокойство.

– Да, – ответила Даша. – Дурной сон. Наверно, тундра на меня плохо влияет.

– А мы почти прилетели, – сказал Макс. – Скоро мы **его** увидим.

– Пока я ничего похожего не видела, – заметила также сидевшая у иллюминатора Ира тоном ребенка, которому обещали показать клоунов, а вместо этого отвели на митинг. Макс оставил ее сентенцию без внимания: мельком глянул в лежащий у него на коленях планшет, потом в иллюминатор, а потом тихо шепнул Даше:

– Смотри, сейчас появится.

Несмотря на то, что Даша не была преисполнена энтузиазма, как Ирочка, она все-таки прильнула лицом к стеклу. Вертолет поднялся выше... под ним простиралась все та же тундра, но спереди по курсу надвигался довольно высокий, метров двести высотой, каменный кряж. Скалы ограждали плоскогорье, как частокол; это плоскогорье отличалось от виденных ими раньше – безлесные его склоны обрывались круто вниз, и на них не росло ничего, кроме редких корявых карликовых берез и сосен.

А вот вершина плоскогорья была покрыта густыми зарослями сланника... и среди этих зарослей была широкая овальная проплешина, но не ровная, а полого спускавшаяся к центру, где находился он.

Он был похож на человеческий череп без челюстей; почти прямой с запада, полого спускающийся с вершины к югу, покрытый таким же мхом, как и окружавший его конический кратер, этот «череп» поражал своими размерами – в диаметре он был не меньше полтора метра, в высоту – метров тридцать пять от макушки до площадки, на которой он возлежал.

Чоккаперкальм-сейд.

– И вы хотите сказать, что это – природное образование? – спросила Ира, буквально прильнувшая к иллюминатору. Ей никто не стал возражать, поскольку переспорить Иру, когда та была уверена в какой-то из своих конспирологических истин, было просто нереально.

– Пойду, навещу Олега, – сказал Макс, вставая с кресла, – надо выбрать место для посадки. Это только сверху все выглядит красиво и ровно, а нам нужно посадить машину поближе к камню, чтобы вещи далеко не таскать...

* * *

Чоккаперкальм-сейд, который был целью экспедиции, находился в широкой воронке, диаметром несколько сотен метров. Глубина у кратера тоже оказалась солидной – огромный камень словно тонул в нем, потому, вероятно, долгое время о существовании этой природной аномалии и не подозревали. Склоны воронки спускались вниз под хорошим уклоном, к тому же, они были покрыты многочисленными валунами.

– Вот там есть место для посадки, – Олег указал на широкий участок правильной формы у подножья громадного камня, отличавшийся тем, что он был ровным и полностью лишенным валунов. Площадка была врезана в склон и с трех сторон окружена бруствером из тех же валунов и земли. По всему было видно, что ее создали искусственно, притом, относительно недавно.

– Сможешь там приземлиться? – спросил Макс. Олег кивнул. – Винтом за камень не заденешь?

– Не задену, – ответил пилот.

– А остальное сюда доставить сможешь? – спросил Макс. – Надо же где-то наш контейнер с оборудованием поставить, не говоря уже о бытовке. Их вниз на руках не спустишь.

– На эту площадку и опущу, – пообещал Олег. – И контейнер, и бытовку тоже. Второй раз садиться-то мне не надо будет – зависну и опущу вниз на тросе, а вы только отстропите.

– Вообще, там внизу, под камнем, база должна быть, – заметил Макс. – Правда, за тридцать лет от нее, наверно, рожки да ножки остались.

– Как сказать, – не согласился с ним Олег. – Края эти дикие, люди сюда не забредают. Снизу на плато подняться сложно, из простого любопытства вряд ли кто полезет. А саамы вообще обходят стороной Чоккаперкальм, уж не знаю, почему.

Макс молча кивнул.

– Сколько тут летал, даже не представлял, что здесь есть **такое**, – продолжил Олег, заводя вертолет на посадку. – Нет, сейды-то я и раньше видел, кого на Коле сейдами удивишь? Но они в сравнении с этим – как мыши в сравнении со слоном.

– Может быть, это самый первый из сейдов, – пожал плечами Макс. – Кто ж его знает? У меня в команде есть археологи – вот они пусть и разбираются.

– Значит, как договорились? – сказал Олег, когда шасси только коснулось земли. – Высаживаю вас и лечу за вашим контейнером. А вторым рейсом заброшу бытовку.

Макс кивнул.

– Только учтите, – продолжил пилот, – если у вас что-то случится – вас-то мы вытащим, а вот шкарб³ ваш придется здесь бросить.

– А что может случиться? – пожал плечами Макс. Пилот наклонился к нему:

– Я же говорю, саамы на Чоккаперкальм не захаживают, – сказал он, – а дыму без огня не бывает. Про то, что здесь когда-то что-то исследовали, я от тебя первого узнал, хотя сам местный, даже из поморов. Странно это все.

– Мы не из пугливых, – усмехнулся Макс. – Успеешь сегодня все перебросить?

– А то, – кивнул Олег, переключая тумблеры, чтобы остановить вращение винтов, – разгружайтесь, только не мешкайте, чтобы я успел засветло обернуться. Ума не приложу, чего вы так рано вышли? Конец апреля, вот-вот полярный день начнется, хоть круглые сутки летай.

– У меня народ городской, – пояснил Макс. – Для них полярный день – то еще испытание, по себе знаю.

– Вы ж, вроде, под землю собрались? – пилот невольно вздрогнул, словно сквозняк холодный его прохватил. – А под землей что ночь, что день – все едино.

– Это еще дай Бог нам туда попасть, – Макс отвел взгляд. – Кто его знает, может, это все треп пустопрожний, насчет одиннадцатой. Сам посуди – ну какая здесь может быть буровая? Тут все так выглядит, словно нога человека отродясь здесь не ступала...

– А площадку кто прочистил, чакли, что ль? – хохотнул пилот. – Да и не только в площадке дело: по тундре видны следы зимника, и ведет он сюда; а наверху – ты-то не заметишь, а мне видно – следы волочения, как будто трубопровод вели, только вот куда он делся?

– Это не трубопровод, – кивнул Макс. – Это монорельс для подъемника. Где ты видел это место?

– От этой площадки к востоку шагов с тысячу, пожалуй, – ответил пилот. Там еще следы есть, видно, трактор ходил, или мотолыга. Заросло, конечно, все... Ладно, заболтались. Выгружайтесь, да споро: погода хорошая, но если на Мурмане небо прикроют, я ни заправиться не успею, ни груз принять.

* * *

Олег действительно сумел посадить вертолет безукоризненно, хотя площадка была невелика. Какое-то время камень находился совсем рядом с бортом, его поверхность можно было хорошо разглядеть, и этим все занимались, особенно Ира, которая мечтала обнаружить на камне следы обработки. Ничего подобного найти ей не удалось, но Иру это не разочаровало – с того самого момента, как она увидела камень, Ира свято уверовала, что он – не природного, а искусственного происхождения.

Но вот вертолет коснулся земли, и Макс скомандовал разгрузку. Ящики, занимавшие заднюю часть кабины, где кресла были сложены, предстояло вытащить и сложить под каменным навесом. На разгрузке работали все. Мужчины таскали большие ящики с оборудованием. Для этого они разбились на команды по двое. Макс работал в паре с Мишкой, Македонский взял в напарники Игоря. Главой третьей пары был профессор Кулешов – физического труда он не чуждался, и, несмотря на ученые степени и лавры, таскал ящики не хуже других. Напарником у него был Макарыч. В четвертой паре был Генка, который, как оказалось, по паспорту именовался Ганибалом Сиприеновичем Мофассой, но за упоминание его паспортного имени можно было схлопотать, и иначе, как Генкой его никто не называл. Диковинное ФИО досталось Генке от папы – уроженца Руанды, который в начале восьмидесятых приехал в Москву учиться на врача, а потом на родину так и не вернулся. Отчасти, виной тому была мать Генки, которая покорила сердце «черного принца» (не так давно они справили серебряную свадьбу),

³ Шкарб (устар.) – вещи, собственность, багаж, поклажа;

отчасти – война, в результате которой родной народ Сиприена Мофасы – тутси был едва не уничтожен, с молчаливого согласия просвещенной Европы, которой куда важнее было добить СССР и Югославию. Как бы там ни было, отец Генки в России прижился, и сейчас заведовал инфекционной клиникой, неплохо показавшей себя во время эпидемии Ковид-19. Напарником Гены была Таня. Она сама стала в пару с Генкой, и сказать ей, что таскать ящики – не женское дело, ни у кого язык не повернулся. Четвертой парой и Феликс и Волосатый.

Девушки (кроме упомянутой выше Тани) таскали вещи полегче, в основном, рюкзаки с личными вещами команды. Ира, пыхтя, вытащила два чемодана с нее размером – свой скарб, и уселась на землю, но потом, устыдившись, пошла за вещами других, но все равно носила меньше, чем Даша или Женька. Разгрузка заняла не больше получаса; поверить в это было сложно, с учетом того, какая в конечном итоге рядом с площадкой выросла гора ящиков и поклажи. И это еще предстояло разобрать! Хотя до прибытия бытовки, а, главное, контейнера с основным оборудованием, все можно было не разбирать, о чем Макс и сообщил команде. Мишка с академиком Кулешовым вызвались обойти камень кругом, но Макс сказал повременить с этим. В итоге, Мишка пошел к Ире, а академик принялся рассматривать камень, почву и растительность, притом не праздно, а с научным интересом. Остальные участники экспедиции расположились на привал. Даша заметила, что здесь, на плато, окружающая местность не кажется такой унылой, как с воздуха. На склонах кратера то тут, то там росли довольно густые заросли карликовой березы, перемежавшейся умирительно-маленькими сосенками размером где-то по пояс не особо высокой Даше. В этих зарослях попискивала птичья мелочь. Легкий ветерок был теплым и нес с собой ни с чем не сравнимый запах пробуждающейся по весне природы – незнакомый для горожанки Даши, но такой приятный. И хотя было прохладно, не больше десяти градусов тепла, но ласковое солнышко как будто нашептывало что-то о близкой весне. Хотя на календаре весна была в самом разгаре, здесь, за полярным кругом, природа еще только пробуждалась.

Несмотря на то, что прямого запрета на это не было, никто по сторонам не разбредался, и под камень не заходил. От камня вообще почему-то старались держаться подальше.

Тем временем, Александр Филиппович, дождавшись Макса, который проводил пилота, отвел его в сторонку, и сказал, подкуривая тонкую черную сигариллу:

– Считаю, что оружие выдать надо прямо сейчас.

– Так быстро? – удивился Макс. Македонский кивнул. – То есть, уже можно ожидать неприятностей?

Александр Филиппович пожал плечами:

– Вряд ли, конечно, но береженого Бог бережет... – он вздохнул. – Так что думаю, пора раздавать стволы. Praemonitus, praemunitus, в таких краях с оружием лучше, чем без него.

Макс отвернулся, но Александр Филиппович положил ему руку на плечо:

– Мы не знаем, что там случилось, – сказал он. – Но то, что что-то случилось – это ясно. Тридцать лет прошло; кто его знает... но осторожность не помешает. Ничего нельзя сбрасывать со счетов. Мы ведь уже говорили об этом.

Макс кивнул, и пошел к ящикам.

* * *

Достав из одного из рюкзаков небольшой китайский мегафон, Макс включил его, прокашлялся, распугав каких-то любопытных пичужек, слетевшихся к их импровизированному лагерю, и объявил:

– Так, команда, прошу всех собраться... в смысле... подойдите ко мне, пожалуйста.

Народ стал подтягиваться, и вскоре собрались все. Выглядели участники экспедиции заинтригованно.

– Вот что, – сказал Макс. – Сами понимаете, мы с вами забрались в самую глухомань. Ближайшее селение от нас километрах в ста, и там живут от силы два десятка человек. Ближайший город – еще дальше. Потому я принял решение, а Александр Филиппович его одобрил, да, Александр Филиппович? – стоявший рядом Македонский степенно кивнул, – ...снабдить вас оружием.

– На нас будут нападать? – испугалась Ира.

– Никто на нас нападать не будет, – заверил ее Макс. – Но в таких местах с оружием лучше, чем без него. Мало ли, кто по тундре бродит – браконьеры какие-нибудь, например...

– На кого тут охотиться? – пожал плечами Миша. – Чего-то я здесь живности не видал, кроме этих чирикалок непуганых, – он махнул рукой в сторону низкого кустарника, где перепискивались все те же любопытные птички.

– Здесь водится песец, – сказал Макарыч, доставая пачку дешевых папирос. – Не тот, который приходит, когда не ждешь, а тот, из которого шьют шубы. А еще – здесь есть самородное серебро. И золото, кстати, хоть и не в таких количествах, как на Колыме.

– Как бы там ни было, – продолжил Макс, – оружие надо иметь всем. И прошу вас не удивляться, особенно вслух, – после этих слов Макс выразительно посмотрел на мужскую половину группы – вышеобозначившегося Макарыча, Генку, Феликса, Кирилла и Таню, чувствовавшую себя вполне комфортно в компании этих мужчин.

– Да что мы, оружия не видели? – пожал плечами Гена, и Макс вскрыл первый ящик...

– ...Итить-колотить, – дипломатично выразил общее мнение Макарыч. – Мы собрались на войну?

– Ну, Макарыч, – воздел горе глаза Макс, – ну я же просил...

– Да я-то что, – пожал плечами тот. – Я ж о том, что тут все новенькое...

– Это же пу... – начал, было, Мишка, но осекся под уничтожающим взглядом руководителя экспедиции, – ...стая трата денег. Нам бы пары двустволок хватило бы с головой.

– Значит, не хватило бы, – степенно заметил Волосатый, вынимая из ящика новенький пулемет «Печенег» с примкнутой патронной коробкой. – Со дня окончания службы такой в руках не держал.

– А это что за фузея? – спросил Мишка, указывая на длинное, почти два метра длиной, ружье.

– КСВК, – ответил Генка, с каким-то трепетом доставая из ящика вышеуказанную бандуру. – Крупнокалиберная снайперская винтовка, хорошая вещь. Командир, можно...?

– Нужно, – ободряюще улыбнулся Макс.

Остальным досталось оружие попроще – АК-47, у Макса, Феликса и Александра Филипповича – с подствольными гранатометами, у Макарыча, Игоря, Мишки и Павла Петровича без. Таня получила ОЦ-14, короткий автомат футуристичного вида, зато с подствольным гранатометом. Жене и Даше досталось по дробовику. Кроме того, всем выдали пистолеты – за исключением Волосатого, Генки и Иры, которым достались небольшие пистолет-пулеметы, похожие на чешский «скорпион». К автоматам полагались штык-ножи, Волосатый, Генка и Таня вместо них получили изогнутые кукри устрашающего вида.

– Длинноствол можно с собой не таскать, – инструктировал вооруженных и опасных путешественников Александр Филиппович, – но держать желательно в пределах досягаемости. Короткоствол и ножи лучше всегда иметь при себе.

– Я и стрелять-то не умею... – растерянно сказала Ира, вертя в руках выданный ей крохотный автомат.

– Я тебя поучу, – одновременно сказали Миша и Женя.

– Правильно, Женя, – одобрил Макс. – Подучи Ирочку на досуге. А пока, народ, придется поработать. Игорь, что у нас со связью?

– Как Вы и говорили, – ответил Игорь, – сигнал очень слабый, и появляется только когда проходят спутники. Я могу попробовать устроить более устойчивую связь, но для этого мне нужно подняться вверх по склону с аппаратурой. Мне нужен кто-то в помощь, я понесу станцию и антенну, но аккумуляторы я один не утащу.

– Я помогу, – вызвалась Таня.

– Справишься? – спросил Игорь, указывая на коробки с аккумуляторами. – В каждой батарее по пуду, а у нас их две.

В ответ Таня, не говоря ни слова, взяла одну из коробок, подбросила высоко вверх и с легкостью поймала. Игорь посмотрел на нее с уважением:

– Вопрос снимается. Сейчас, я возьму, что нужно, и пойдем.

– А мы с вами пока займемся обустройством лагеря, – продолжил Макс, когда Игорь и Таня ушли. – Олег, конечно, обещал доставить сегодня нашу бытовку, но береженного Бог бережет. Полагаю, лагерь лучше всего будет устроить под самым камнем.

– Это что же, душа сегодня не будет? – глаза Ирочки вновь испуганно округлились. «Интересно», – подумала Даша, – «Она что, думала, что едет в санаторий с all inclusive?» Сама Даша изначально готовилась к лишениям походной жизни, но...

Прикосновение к тайне в равной мере будоражит воображение мужчин и женщин, молодых и старых. Особенно, если тот, кто посвящает тебя в тайну, во-первых, умеет рассказать о ней так, чтобы разжечь интерес, а во-вторых, не безразличен тебе. Как Макс Даше или Мишка Ире. Даша еще раз подумала о том, какие они не похожие между собой – ее брат и его избранница. Хотя...

Может быть, в этом и заключается секрет долгих и прочных отношений? Говорят, что противоположности притягиваются. Может, именно поэтому Мише было интересно с Ирочкой... а у Даши с Максом, несмотря на все предпосылки, ничего не складывалось?

Кто знает...

* * *

– Под камнем должна быть база, – сказал Макс. – Но осталось ли от нее что-то – неизвестно.

– База? – удивился Мишка. – **Под камнем?**

– Да, – подтвердил дотоле молчавший Македонский. – Камень покрывает большую площадь, примерно, как довольно крупный стадион, а почва продолжает понижаться под ним к шахте. В центре перепад высот с краем может быть метра три-четыре, можно обустроить неплохую базу, чем наши предшественники и воспользовались.

– Я бы не стал рассчитывать на то, что база сохранилась, – сказал Макс. – Потому и заказал для нас самую современную и комфортабельную бытовку. Поставим ее на площадке, рядом с контейнером. Только бы погода не испортилась, тут такое бывает. И воду бы найти.

– С той стороны, – Кулешов махнул в сторону густых зарослей у подножья одного из камней, на который опирался монолит, – есть ключ с очень чистой водой. Поверхность кратера под тонким слоем плодородной почвы покрыта чистейшим кварцевым песком, прекрасно фильтрующим воду...

Макарыч, который все это время в сторонке портил легкие дешевым табаком, откашлялся и сказал:

– Кстати, прежде, чем идти дальше, хотелось бы послушать мнение нашего светила о месте, где мы находимся. Например, наша Ирочка считает, что все это – рукотворный артефакт некой древней цивилизации. А что по этому поводу думает официальная наука?

Кулешов приосанился, и сказал:

– Древний философ Оккам говорил: не стоит плодить сущностей сверх меры. Конечно, без долгих и кропотливых исследований с помощью специальной аппаратуры сказать что-то затруднительно, но кое-что мы можем установить уже сейчас....

И Павел Петрович пустился в пространные и несколько запутанные рассуждения о тектонических процессах, горообразовании и вулканизме. Команда, однако, слушала его, в основном, затаив дыхание, только Макарыч слегка усмехался, попыхивая папироской, да Генка пару раз зевнул.

– Итак, – подвел итог Кулешов, – мы с вами находимся в весьма интересном тектоническом образовании, именуемом по-научному маар, то есть, в вулканическом кратере без видимого конуса.

– То есть, Чоккаперкальм – вулкан? – удивленно спросил Мишка.

– В том-то и дело, что нет, – ответил Павел Петрович. – Конечно, без специального оборудования мне судить трудно, но могу с уверенностью сказать, что сейчас под нашими ногами находится монолитная скала из плотного базальта. Эта порода могла сформироваться только на большой глубине и при большом давлении.

– Тектоническое вытеснение? – предположил Мишка.

– Нет, – вновь возразил профессор. – Нет никаких следов вулканической деятельности. Правда за три миллиона лет (а, примерно, столько времени назад сформировалась плита, на которой мы сейчас) их могло стереть выветривание или движение тех же ледников. Я сперва даже, было, подумал, что валун – это сильно сглаженный конус вулканического выброса, но нет – и сам валун, и его опоры – из все того же базальта. Кроме того, есть еще одно «но». Тонкий слой минералов извержения – пемзы, туфа – все-таки присутствует, но залегает вовсе не так, как привычно. Обычно такие породы формируют «лавовые поля», и направление стекания лавы – строго параллельно оси кратера.

– Я вот лично нихера не понял, – тихо сказал Генка, но Кулешов его услышал.

– Представь себе стакан с молоком, – пояснил профессор. – Или лучше с кефиром. Вот, ты выпил полстакана, часть жидкости осела на стенках и, со временем, стекла вниз, правильно?

– Ну, – согласился Генка.

– А тут движение лавы было просто уникальным! – торжествующе сказал Кулешов. – Она стекала по спирали, как будто кефиром наполнили круглую ванну, а потом на дне открыли крышку.

– Я Вас правильно понял? – спросил Макарыч, – такое движение лавы означало, что ее было много, но потом она стекла в некую дырку в самой нижней точке кратера?

– Отверстие, милый мой, – Кулешов скривился, как любитель грамматики при слове «вообщем» или «калидор». – но да, так оно и есть. Предваряя ваш следующий вопрос – значит, штольня, которую мы ищем – это вулканический желоб. Раньше он был заполнен мягкими породами извержения. Машина Верховцева не вгрызалась в скальный монолит, она шла по ранее проделанному самой природой каналу, заполненному относительно мягким туфом...

– То есть, – настойчиво спросил Макарыч, – Верховцев, выходит, заранее знал об этом месте?

– По-моему, это очевидно, – отрывисто сказал Кулешов, с подозрением глядя на Макарыча. Тот удовлетворенно кивнул.

– В конце концов, не суть важно, что такое Чоккаперкальм, – примирительно сказал профессор, – вулкан, рифтовый разлом, остаток старинной горной системы, которую стерло время и ледники...

– Простите, профессор, – на сей раз, в разговор вмешалась Ира. – Я, конечно, не ученый, и в геологии не разбираюсь от слова совсем, но все это выглядит странно. Оставим в покое кратер, но откуда здесь взялся этот камень?

– Камень – определенно местного происхождения, – ответил Кулешов. – Он состоит из того же базальта, что и все нагорье. Вот здесь я действительно предположил бы магматическое вытеснение: сам камень образовался на глубине, а потом был поднят столбом лавы наверх...

– Это же нонсенс! – возразил Мишка. – Как такую громадину могло поднять из глубины движение извергающейся магмы?

– Это случилось три миллиарда лет назад, – напомнил Павел Петрович. – В то время вулканизм был намного сильнее, чем сейчас. Кстати, мне кажется, что и само плоскогорье – результат вулканического поднятия. Потом лава проделала себе путь в толще базальта, выбив «пробку», которой и является наш камень, но не до конца. Послушайте, магмы было так много, что она покрывала собой все плоскогорье! Иначе как объяснить то, что она стекла обратно в кратер, как вода в водослив?

– А что, если вся земля когда-то была покрыта магмой? – предположил Макарыч, – а потом она потихоньку стекла вниз?

– Вы несете ту же чушь, что в свое время Верховцев! – разозлился Павел Петрович. Макарыч ухмыльнулся в усы, и обратился к Максусу:

– Кстати, о птичках. А не пора ли нам рассказать **полную** версию этой истории? О том, кем были наши предшественники, почему они искали именно это место, почему стали бурить именно здесь?

* * *

Игорь и Таня поднимались вверх по склону. Игорь то и дело поглядывал в раскрытый планшет, выбирая точку, с которой удобнее было бы ловить связь со спутниками. Попутно он рассказывал Тане, или даже больше рассуждал вслух, что собирается сделать.

– Настрою наверху устойчивую связь. Потом закреплю антенну на чем-то высоком, и протяну линию до лагеря. А там установлю ретранслятор, сделаю разводку – и будет у нас и связь, и интернет.

– Я в этом деле не шарю, – честно призналась Таня. – Даже роутер дома мне админы провайдера настроили. А ты у нас башковитый.

Они довольно быстро добрались до верхнего края кратера, и оказались на заросшем сланником плоскогорье. Карликовый лес был невысок, Игорю по пояс, но очень густ. Игорь уткнулся в планшет и что-то в нем колдовал.

– Не хватает, – сказал он. – Еще бы на пару метров повыше...

– Смотри, – сказала Таня, указывая направо, где виднелось какое-то нагромождение скал. – А если туда подняться?

– Хорошая идея, – согласился Игорь. – Давай посмотрим на эти скалы вблизи? Только вот как до них добраться?

Не говоря ни слова, Таня вытащила свой новообретенный мачете, и нанесла решительный удар по зеленому переплетению перед ними. Игорь невольно залюбовался ею. Почему-то энергия Тани вызвала у него настоящий восторг:

– Тебе помочь?

– Главное не мешать, – весело ответила девушка. – И держись подальше, чтобы я тебя ножиком не задела.

«Ножиком...» – подумал Игорь, с уважением глядя на Танино мачете, ловко срубающее низенький березняк. До скал они добрались быстро, благо, те были недалеко. Собственно, нагромождение состояло из нескольких довольно крупных обломков, окружавших более высокий валун, которому природа придала почти правильную кубическую форму. В отличие от окружающих его камней, куб был черен, как антрацит. Его верхнюю плоскость пересекала огромная трещина, словно кто-то ударил по камню исполинским топором.

– Ну вот, – сказала Таня, запрыгивая на камень и усаживаясь на его краю. – Как тебе этот кусок скалы, подойдет?

– А забраться на него как? – спросил Игорь, задумчиво глядя на куб.

– Заберемся, – пообещала Таня, ловко запрыгнув на один из окружающих куб камней. Через мгновение она уже была на вершине куба. – Подавай поклажу, а потом я помогу тебе подняться, идет?

Передав наверх рацию, антенну и аккумуляторы, Игорь вскарабкался на камень сам, не столь проворно, но зато без помощи Тани. С вершины валуна открывался великолепный вид на окружающую плоскогорье тундру, а также на кратер со стоящим в нем загадочным мегалитом. Закрепив антенну в каменной расщелине, так, что ее плоскость почти лежала на камне, Игорь присоединил рацию и стал настраивать связь.

– У тебя курево есть? – спросила Таня. – Я так обычно не курю, но тут все вокруг смалют, так что тоже захотелось.

– Ирка, наверно, про этот камень сразу какую-нибудь историю изобрела бы, – задумчиво сказал Игорь, – она бы увидела в нем алтарь какого-нибудь забытого бога, или прилетевший из другой галактики метеорит... ты «Винстон» куришь? – добавил он, протягивая Тане пачку, найденную в кармане куртки.

– В наше время, что «Винстон», что «Ротманс» – одной и той же махоркой набивают, – ответила Таня, доставая сигарету из пачки. Игорь смотрел на ее пальцы – длинные, сильные, без маникюра – просто коротко обрезанные ногти с легким лаком, кажется, не для красоты, а так, чтобы было... – а огонек?

– Блин... забыл... – ответил Игорь, хлопая по карманам.

– Не трудись, – улыбнулась Таня, достав из кармана поддельное «Зиппо» с эмблемой «Харлей Дэвидсон». Зажигалке было, судя по состоянию, лет тридцать, но ее бережно хранили, раз уж она была до сих пор исправна. Игорь подкурил от пахнущего бензином огонька, потом смотрел, как подкуривает Таня. «Да что со мной?» – думал он. – «Как будто девочку первый раз увидел. И главное...» – что главное, Игорь для себя так и не сформулировал. Наверно, то, что Таню сложно было назвать фотомodelью. Глаз, конечно, выделил бы ее в толпе, но совсем не за внешнюю красоту – для женщины Таня была довольно высокой, даже чуть выше самого Игоря, который со своими без десяти два на рост абсолютно не жаловался. И телосложение у нее было под стать росту атлетическим. Кроме того, женщина с грудью четвертого, если не пятого размера, худышкой будет только после фотошопа...

Но вот как раз Игорю современные стандарты красоты были не по душе. Он и раньше встречался с девочками, которых сейчас называют плюсоверсайз, но Таня у них выигрывала по всем параметрам огромную фору. Вместо того, чтобы закончить формулировать мысль, Игорь, неожиданно, прежде всего, для самого себя, спросил:

– А у тебя кто-то есть?

– В смысле? – не поняла Таня. – Папа – геодезист и байкер, мама – лесовед, и тоже на мощыках гоняет. Я с ними все детство в таких походах провела. Сеструха старшая вышла замуж и смылась из нашего дурдома в другой – ее муж утащил на дрейфующую станцию, он океанолог, но такой же головой ударенный, как наша Ирочка – ищет Атлантиду на дне Северного Ледовитого океана. Попутно нашел немеряное количество нефти, газа и доказал то, что у нас шельф России почти до полюса простирается, так что народному хозяйству от его заскоков только польза. Начальство им довольно, и сквозь пальцы смотрит на его странности... или ты о чем?

– Я в смысле... – Игорь отвернулся к своему оборудованию, отчасти чтобы скрыть взгляд, отчасти потому, что увидел на своем планшете отметки сигналов, пойманных его антенной. Сигналы были сразу с нескольких спутников, кого хочешь, выбирай, – в смысле, ты с кем-то встречаешься, или...?

– А шо, будут какие-то предложения? – сказала Таня с пародийно-одесскими интонациями, но потом продолжила серьезно: – да нет у меня никого. Высоким девочкам вообще сложно парня себе найти, вечно какие-то уроды закомплексованные попадают, а я еще и, прямо скажем, не Линда Евангелиста вот прямо ни разу.

– Зря, – глухо, потому что как раз выпускал дым, сказал Игорь. – В смысле, зря, что... в общем, что там такого особенного в этой Линде? Я даже не помню, как она выглядит. А вот ты...

– Подкальываешь? – с подозрением спросила Таня. – Игорёха, чисто чтобы между нами не было непоняток: я как-то не особо радуюсь шуткам в мой адрес. Вообще, трудно быть милой феечкой, когда в тебе чуть меньше сажени в высоту и порядка центнера весу. И когда кого-то этот факт веселит...

– Да ты меня не так поняла! – воскликнул Игорь. – Просто не всем нравятся голливудские стандарты...

Таня опять рассмеялась:

– В наше время голливудский стандарт – чернокожий трансвестит. Но я тут подумала: если ты сейчас меня не подкальываешь, то, возможно, пытаешься сказать мне, что я тебе нравлюсь, – Игорь, помимо воли, кивнул. – Братишка, со мной удобно то, что можно не размазывать мысль по дереву, а говорить прямо. Я не обижусь, а если обижусь – не ударю. А если ударю – то не больно....

Игорь не ответил, но опять отвернулся к своему оборудованию. Устойчивый прием есть, устойчивый интернет – ну, если это можно назвать интернетом, тоже есть. А что с передачей? Потому, что с передачей эмоций у него получилось как-то не очень.

– Ты мне тоже нравишься, – глухо (потому, что затягивалась почти догоревшей сигаретой) сказала Таня. – Но, блин, цивилизный мальчик с умной башкой и такая, как я – довольно странная парочка, даже чисто гипотетически. Потому... черт, а давай ты что-нибудь мне предложишь? Потому, что, ты будешь сильно удивляться, но я думаю, что первую скрипку в отношениях должен играть мужчина...

– Даже если он на полголовы ниже? – спросил Игорь.

– А ты по этому поводу загоняешься? – пожала плечами Таня. – У тебя рост вполне нормальный, не хлюпик какой-то. Мне вполне комильфо. На каблуках я все равно не хожу, а без них у нас с тобой разница не так уж и заметна.

– То есть, – серьезно сказал Игорь, затушив окурочек о черный камень, – в принципе, ты не против...?

– Смотря чего, – ответила Таня, повторив его действия.

– Встречаться, – глухо, хотя он уже не курил, – сказал Игорь. – Понимаю, что в этом месте это звучит глупо – вокруг ни кино, ни кафе, ни даже плёвого парка, но...

– Не против, – ответила Таня, спрыгивая с камня. – Мне с тобой интересно. Ну, как там у тебя дела с оборудованием?

– Порядок, – ответил Игорь. – Поймал все, что нужно. Сейчас закреплю антенну, и будем спускаться.

– А я бы посидела тут подольше, – сказала Таня, потягиваясь. – Благодать вокруг какая – ни машин, ни людей. Солнышко светит, птички чирикают...

Игорь кивнул, и дальше делал все не спеша. При этом они довольно мило пообщались – Игорь рассказал Тане про свою родню, про службу в армии и учёбу, Таня Игорю – про свои занятия греблей...

Между тем, погода начала портиться. Сначала подул холодный, пронизывающий ветер, потом с севера поползли тяжелые, низкие тучи.

– Кажется, дождь собирается, – заметил Игорь, проверив крепления антенны. – Хорошо, что я так удачно все закрепил, теперь нашу антенну и ураганом не сорвет. Ну что, сворачиваем лагерь, и возвращаемся?

– Ага, – с некоторым разочарованием в голосе сказала Таня. – Тебе помочь спуститься, или без меня справишься?

– Подкалываешь? – с подозрением спросил Игорь. – Я что, инвалид, чтобы с камушка не спрыгнуть? А вот рацию и аккумуляторы я тебе подам, так что спускайся первой, идет?

* * *

Если издали сейд интриговал Иру, то вблизи он ее пугал. Наружная поверхность огромного валуна по цвету сливалась с окружающей его тундрой, но под камнем царила, казалось, непроницаемая мгла. Можно было лишь разглядеть две величественные каменные «ноги», на которые валун опирался – толстые, похожие на контрфорсы древней крепости, и, кажется, сделанные из того же камня, что и «крышка». Но главное не это – несмотря на то, что «крышка» была приподнята довольно высоко над землей – метров пять, не меньше – она «давила» на психику. Вместе с царящей под ней непроглядной мглой и присутствием рядом невидимой, но как-то странно **ощутимой** дыры в земле, уходящей куда-то очень глубоко, все это создавало какую-то гнетущую атмосферу ожидания чего-то плохого. Ира снова, и совсем некстати вспомнила, что Чоккаперкальм по-саамски – «могила острого колпака». В тихой московской квартире Ира грезил, что этот странный Чоккапер может оказаться пришельцем, чей диковинный вид вызывал у предков нынешних саамов такие странные ассоциации. Может, он был похож на джедая Ки-Ади-Мунди из «Звездных войн», который также обладал удлинённой, конусовидной головой? Ира вспоминала фрески и скульптуры древнего Египта, чьи фараоны щеголяли в высоких конусовидных шапках, вспоминала мумии Наска с нечеловечески вытянутыми черепами, и нафантазировала целую стройную теорию о том, что Землю некогда посетили разумные гуманоиды, чьи головы были высокими и конусообразными...

А что, если эта загадочная шахта – могила одного из этих звездных странников? Может быть, именно она, Ира, станет первым человеком на Земле, доказавшим факт палеоконтакта?

Но сейчас, находясь совсем рядом с этим странным местом, Ира внезапно почувствовала сильнейшее желание вернуться в уютную московскую однушку, в маленькую квартиру, забитую сомнительно-научными книгами и журналами, с висящим на двери лозунгом Агента Малдера: *I want believe*. Пожалуй, о таких вещах лучше размышлять в тиши уютного и безопасного мегаполиса, чем в глуши, где не берет интернет, нет души, зато есть непонятного происхождения мегалит, который, конечно, не Стоунхендж и не пирамида Хеопса... но, кажется, куда **страшнее**...

Вообще, при всей своей любви к неизведанному и загадочному, Ира вряд ли согласилась бы на эту экспедицию, но у нее была веская причина, помимо своего интереса к конспирологическим теориям. Со стороны могло показаться, что Мишка с Ирой прекрасная пара, и, в общем-то, это почти так и было, но...

Ира сошлась с Мишкой после большой трагедии. Ее родители, у которых Ира была единственной дочерью, трагически погибли в автокатастрофе пару лет назад. После похорон Ира стала бояться оставаться одна. Тогда она и познакомилась с Мишкой (который в тот момент поругался с Максом и по этому поводу рассорился с сестрой). У Мишки с Ирой загорелся, как пишут в книгах, бурный роман, но Ира до сих пор сомневалась – не потому ли, что она тогда страдала от одиночества и стремилась прибиться к любому берегу?

Не слишком ли она поспешила? Порою Мишка своим скепсисом сильно ее раздражал. С другой стороны, иногда он, наоборот, вызывал у нее прямо головокружение от переполняющих ее чувств. Ира пыталась разобраться в себе, и поход для этой цели более, чем подходил.

А вот с Дашей, Мишиной сестрой, Ира толком так и не сошлась. Даша казалась ей через чур отстраненной, какой-то «не от мира сего». Эта оценка была тем более странной, что такой большинство окружающих считало как раз саму Иру. Вот только Ира, при всей своей любви к конспирологии, не имела привычки «выпадать из реальности», как ее без пяти минут свояченица. Возможно, Даша и сама этого не замечала, но, иногда, она словно пропадала из этого мира. Она при этом могла ходить, говорить, продолжать диалог – но Ира видела, что Даша где-то не здесь. Это ее пугало.

Вот и сейчас, подбросив Кулешову вопрос о камне, Ира отвлеклась на Дашу. С ней явно было что-то не так. Даша сильно побледнела, даже губы сделались темно-синюшными; под глазами залегли глубокие темные тени...

Обычно, Ира не решалась заговорить с Дашей в такие моменты, но тут ее что-то пере-клинило, и она подошла к девушке и осторожно взяла ее за руку. Рука была холодной, как ледышка.

– Даш, – позвала Ира, – с тобой все нормально?

– Что-то приближается, – сказала Даша, не глядя на Иру. – Что-то будет.

– Что? – слова Даши, вернее, интонация, с которой они были произнесены, не на шутку напугали Иру. – Откуда? **Из-под земли?**

– Нет, – ответила Даша. – Это идет по воздуху, это придет с ветром. Мы словно в центре еще не родившегося урагана...

Ира бросила взгляд на небо: небо, дотоле ясное и солнечное, внезапно, стало хмуриться, с севера находила гряда туч.

– Похоже, ты права, – сказала она. – Вот только...

Взгляд Даши потерял свою отрешенность. Она посмотрела на Иру непонимающим взглядом:

– Что? В чем я права?

– Ты сказала, что на нас что-то надвигается, с севера, – растеряно сказала Ира. – Что-то страшное.

Даша нахмурилась:

– Я... вообще-то, я метеозависима, и... когда в Москве был большой ураган, я прямо слегла за пару часов до этого.

– Тогда было так же, как сейчас? – спросила Ира.

– Да... нет..., – ответила Даша, по-прежнему хмурясь. – Сейчас... кажется, сейчас все будет еще хуже.

* * *

Рассказ Кулешова «силовая группа экспедиции», то есть Генка, Феликс и Волосатый, слушали невнимательно. У них на повестке стоял вопрос, по их мнению, куда более несправедливый.

– Генка, – обратился Феликс к темнокожему товарищу, – ты ж в армии служил?

– Ясен-красен, – кивнул тот. – Я что, похож на инвалида? В двенадцатом призвали, потом на сверхсрочку остался. А что?

– И кем служил? – продолжал Феликс допрос с пристрастием.

– Механиком, – ответил Генка. – Рота паркового обслуживания бронетанкового полка, а что? У тебя машина сломалась?

– Да нет... – протянул Феликс. – Просто пытаюсь понять одну вещь...

– Так и спросил бы прямо, – фыркнул Гена. – Братишка, что ты ходишь вокруг, да около? Думаешь, я такой тупой, что не понял, куда ты клонишь?

– Вы о чем, мужики? – присоединился к беседе Волосатый.

– О том, откуда наш друг Гена научился обращаться с... тем, что ему вручил Макс, – пояснил Феликс. – Мужик, я эту бандуру только на фотках видел, а он ее сразу жамкнул так, будто у него в гараже такая же, и еще одна на балконе завалилась.

– Между прочим, ты тоже АК с подствольником явно не в кино видал, – ответил Генка, – я уж молчу о том, что Волосатый «Печенег» сразу опознал, что тоже наводит на определенные мысли...

– У нас с корешем все просто, – ответил Волосатый, не дав вставить слово Феликсу. – Мы с ним в Сирии были, когда свержсрочку тянули, а потом еще вольниками оставались ненадолго. А в Сирии, сам понимаешь, брат – ты можешь быть хоть техником, хоть поваром, а стрелять должен уметь даже из сапога. Бармалеи кругом, итить их дважды – здесь и на том свете.

– Вот, – резюмировал Феликс. – Но ни я, ни Волосатый из КСВК стрелять не умеем, а ты...

– Справедливости ради, знать, умею ли я стрелять, или нет, вы не можете, – Генка даже не думал отпираться, – но да, умею. Я ж тебе тонко намекнул – в четырнадцатом я был на свержсрочке, а дембельнулся в семнадцатом, смекаешь?

Феликс беспомощно посмотрел на Волосатого:

– Два раза подписался, что ли?

– В отпуск он ездил, – объяснил Кирилл. – Я б сам поехал, да я тогда только в учебку заселился.

– В отпуск? – Феликс явно не понял, о чем речь. – И что такого?

– И то, – пояснил Генка. – В четырнадцатом-пятнадцатом куда в отпуск контрактники ездили? Ну, не тормози. Где нужны были механики, способные привести в божеский вид танк, сорок лет на пьедестале простоявший?

Лицо Феликса просветлело:

– На Донбассе, что ли, был?

– А ты смысленный, – улыбнулся Генка. – Именно что. А там как раз такой заруб был – мама, не горюй. Когда нацики Славянск брали, нам выдали ПТРД, и бросили в прорыв. И, прикинь, я там сумел парочку бандеровских танков загасить из этого ружья-переростка, пролежавшего в солидоле с года рождения моего папы. Наши меня уж и похоронить успели, а тут я такой – хоба, чуваки, вот я, а вот вам пару тушек, еще пригодных в качестве трактора. Вот тогда мне КСВК и выдали, так, что до конца отпуска в мастерской я больше не появлялся почти – все на передовой с ружбайкой...

– А здесь как оказался? – спросил Волосатый.

Генка тяжело вздохнул:

– Так же, как и вы. Если честно, я этими войнушками сыт по горло. Но и на гражданке скучно. А тут Македонский появился, как чёрт из табакерки, со своим предложением. Потаскать КСВК по старой памяти – почему нет? Тем паче, что нам тут прорвавшиеся танки точно не угрожают.

– Та же история, – заметил Волосатый. – Как-то мы с Феликсом после дембеля затосковали, думали уже в ЧВК какую-нибудь податься, да где ж ее найдешь на наших просторах? Только байки рассказывают про каких-то вагнеров, а в реальности единственный Вагнер – это немецкий композитор, да и тот помер давно. Но, видно, наш интерес засветил нас для Александра Филипповича. Деньги платят хорошие, а работы и риску не в пример меньше, чем в армии.

– Я, вообще-то, о другом, – оборвал его мудрствования Феликс. – На кой нам такой арсенал? Ну, хорошо, допустим, места здесь дикие – ну, так пары калашей на весь отряд за глаза хватило бы. Зачем нам пулемет? Про твое ружьишко вообще молчу. Да и подствольники лишние. Право слово, мы, как будто, налет джихадистов на техничках ждем...

– ...и поэтому стоим и балагурим, не оставив даже плевой охраны? – уточнил Волосатый. – Братишка, не пляшет что-то. Кажется, Макс боится не того, что снаружи бродит, а того, что в колодце сидит.

– За конспирологией тебе к нашей Ирочке, – хихикнул Генка. – У нее на все объяснение – пришельцы и этот, как его там, палеоконтакт. Кто бы мне, темному, еще объяснил, что это за ботва?

– Есть мнение, – охотно согласился просветить темного во всех отношениях Генку Феликс, – что когда-то давно на землю прилетали инопланетяне. Некоторые говорят, что они, дескать, переселили свое ДНК в обезьян, и так получились люди. Как по мне – чушь это все, но с упоротыми спорить – что с голубем в шахматы играть.

– Что у девки в голове? – вздохнул Генка, – Довелось мне с ней перетереть в вертолете. Мишка Мишкой, а проверить смазливую барышню на предмет женских слабостей сам Бог велел. Но м-мать моя, женщина, с ней вообще говорить невозможно! Она как будто в своем мире живет – с инопланетянами, пришельцами и еще какими-то зелеными человечками...

– Ладно, Ирка, – перебил его Феликс. – Но Макс, а, главное, Македонский... народ, вам не кажется, что они ведут себя странно? Я в смысле того, что они явно к этой шахте относятся с опаской. Будто знают, что там сидит.

– Что там может сидеть? – пожал плечами Волосатый. – Если, конечно, не принимать всерьез Иркины мансы. Мне она тоже спагетти на уши набросала – про какой-то Аркаим, Гиперборею, Биармию и тому подобную чешую. А помыслить логически – ну, что опасного может быть под землей в такой глухомани? Инопланетяне? Ага, нехрен им делать, под камушком торчать.

– Так я и не говорю, что там что-то есть, – возмутился Феликс. – Но, возможно, Макс в это верит. Хотя он, вроде, не с Ирккой крутит, а с Дашкой.

– Блин, чего здесь не хватает, так это женского пола, – вскользь заметил Генка. – То есть, дам, вроде, дофига, а о звездах побалакать не с кем. Дашка с Максом; Ирка с ее братцем, как он ее терпит, нормальный, вроде, пацан; Танька, конечно, свой парень, но определенно не в моем вкусе. К Женьке, что ли, подкатить?

– Я те подкачу, – хмыкнул Волосатый. – Женька – наш человек, тоже с Сирийской компании. Да и не даст она, мы с Феликсом к ней уже подкатывали.

– Поодиночке или вдвоем? – с невинным видом поинтересовался Генка, и едва увернулся от кулака Волосатого: – да шучу я! Понял уже, что тут без мази. Придется, видно, потерпеть до конца поездки, если в этих краях никакие амазонки не водятся.

– Не с нашим-то счастьем, – сказал Феликс. – Если тебя это успокоит, у нас та же ботва. Кстати...

Но что «кстати», Феликс так и не сказал. Поскольку Генка схватил его и Волосатого за рукав, и сказал:

– Так, братва, тихо. Кажется, сейчас мы немного узнаем за то пекло, в которое нам придется лезть...

Глава III: Мать всех бурь

Македонский выступил вперед, и вкрадчиво спросил Макарыча:

– То есть, **до этого**, по-Вашему, мы всех обманывали, да?

– Я этого не говорил, – спокойно сказал Макарыч, игнорируя легкий флер угрозы в словах Македонского. – Вы не обманывали нас, и рассказывали правду, даже неприглядную. Но **кое-что** вы с Максом недосказали. Может, посчитали неважным, или решили, что не стоит упоминать о таких вещах, а может, и сами каких-то подробностей не знаете. Но есть те, кто знает.

Он достал новую папиросу и подкурил.

– Я понятия не имею, о чем Вы, – сказал Македонский. – Просветите нас, раз уж взялись за это дело...

– С удовольствием, – довольно пыхнул своим ядовитым дымом Макарыч. – Начну, пожалуй, издалека. Мы все хоть немного, но слышали о тектонических процессах. Что говорит наука? Наука говорит, что по жидкой магме плывут, подчиняясь ее вечным течениям, вызываемым вращением земли вокруг своей оси, вокруг солнца, а еще – луны вокруг земли, колоссальные громадины материковых плит. Там, где плита сталкивается с плитой, вздымаются высокие горы. Потом плиты «находят общий язык», и горы стареют, сглаживаются временем, как Урал или Карпаты. Иногда от удара плита раскалывается – образуется рифт, со временем становящийся морем – так появились Средиземное, Красное море, Байкал, а прямо сейчас образуется рифтовый разлом, который через пару сотен тысяч лет расколется пополам Африку... все верно?

– Ну, это очень упрощенно, конечно, – сказал Павел Петрович, глядя себе под ноги. – Но, в целом, именно так все и выглядит...

– Как раз это я и ждал от Вас услышать, – кивнул Макарыч. – Видите ли, почти сорок лет назад наш дорогой друг Кулешов выпустил одну за одной несколько блестящих работ на эту тему. Он слету защитил и кандидатскую, и докторскую, он стал самым молодым академиком Союза... или одним из самых молодых. Его буквально носили на руках, а почему?

Да потому, что его работы под слоем заумных формул, длинных, наполненных специальными терминами и прочей словесной чешуёй определений, маскировали ряд вопросов, которые, несомненно, задали бы, если бы не труды нашего с вами спутника.

Почему материки не тонут в магме? Они ведь состоят из куда более тяжелых веществ, чем те, что в расплавленном виде содержатся в ней. Почему движение материков не линейное, а расходящееся в стороны от некоторого разлома, и почему оно не совпадает с рассчитанными сообразно законам небесной механики направлениями тектонических течений?

– И Вы, конечно же, знаете ответы на эти вопросы? – с ехидством спросил Кулешов.

– Помилуйте, откуда? – пожал плечами Макарыч. – Я простой геолог-полевик, камушки собираю, описываю и классифицирую. Но были и те, кто знал, или, по крайней мере, искал ответы на эти вопросы. Один из этих людей сломал голову, пытаясь понять, почему не работают математические модели движения материков. Он бился над этой загадкой до тех пор, пока не познакомился с другим. Этот второй, по сути, не был ученым, я бы сказал, что он был художником – таким же, как Да Винчи. Он постигал суть вещей через образы, и не боялся искать ответы вовсе не там, где безуспешно искали их другие. Его звали Мстислав Верховцев.

– А другого? – спросила Ира. – Как звали его?

Макарыч не ответил, он продолжил:

– Верховцев с помощью нового друга не только привел в порядок свою теорию, весьма оригинальную, но многое объяснявшую. Новый друг также познакомил его с тем, кто казался ему самым прогрессивным в ученом мире. Он думал, что делает доброе дело, ведь он верил, что

этот человек действительно ищет ответы на вопросы об устройстве нашей планеты и пытается проникнуть в тайны ее скрытого от глаз человека бытия. С академиком Кулешовым.

Теория Верховцева объясняла все, но напрочь перечеркивала все труды молодого академика. Тем не менее, тот, казалось, проникся ею. Он даже стал бывать дома у Верховцева, вникая в его идеи и узнавая больше об их первоисточниках, и приглашать его к себе домой. Слава поведал ему очень многое... на свою беду.

В один прекрасный день Верховцева остановили люди в штатском. Нет, Александр Филиппович, не Ваши коллеги, а коллеги нашей Женечки. Его отвезли на освидетельствование в институт Сербского. Надо сказать, что, как и все гении, Слава не всегда был адекватен. Кроме того, он был склонен впадать в гнев, когда не понимали его, подчас запутанных, пояснений. В конце концов, он набросился на врачей, которые проводили диагностику его психического здоровья... а это уже был, de-facto, приговор...

Щелчком отбросив пустую гильзу, Макарыч прямо взглянул на Кулешова, и спросил:

– А теперь, Павел Петрович, нам предстоит выяснить один вопрос – кто из нас назовет имя того, благодаря кому Верховцев поехал сначала на Канатчикову дачу, а потом – в один интересный санаторий в Мордовии, где аминазин применяли как аспирин, а при случае могли угостить и чем похуже. При том, что да, Славка был, конечно, с приветом, но не настолько, чтобы его в дурку сажать. Проблема была не в этом, а в том, что его теория разбивала все ваши выкладки, как материковая плита океаническую. Так кто же из нас назовет имя поганца, который отправил человека в желтый дом только для того, чтобы свое научное реноме сохранить – Вы, или я?

* * *

Напряженную сцену нарушило появление Игоря с Таней. Вид у обоих был запыхавшийся:

– Командир, я связь установил, – отрапортовал Игорь. – Сейчас пошаманю немного, и сделаю так, чтобы у нас и интернет, и мобилки работали. Кстати, Олег выходил на связь, говорит, взял контейнер и летит к нам.

– Отлично, – сказал Макс, дотеле внимательно слушавший Макарыча. Кажется, эти нюансы истории Верховцева были ему незнакомы.

– Он, кстати, говорит, что на Мурманск штормовое передают, – продолжил Игорь. – Я по дороге по метеорологическим сайтам пробежался – в общем, кажется, плохо дело. К северу от нас, между Кольским и Шпицбергенем, формируется мощный циклон, и его несет прямо на нас.

– Мы, когда наверху были, видели, как тучи надвигаются, – сказала Таня. – И ветер усиливается.

– А через сколько Олег будет? – спросил Макс. Игорь пожал плечами:

– Сказал, что в течение часа. Но это было минут двадцать назад.

– Можешь с ним прямо сейчас связаться? – спросил Макс.

– Сделаю, – кивнул Игорь, сбрасывая с плеч радиостанцию. – Заодно запущу программку, чтобы сеть нам раздавала.

– Если погода будет нелетной, бытовку нам Олег не довезет, – сказал Македонский. – Да я и не рискнул бы в бытовке пережить бурю. Тут погода, бывает, так развернется – мама, не горюй.

– Будет что-то страшное, – подтвердила незаметно подошедшая Даша. – У меня метеозависимость, я чувствую такие вещи.

– Она правду говорит, – подтвердил Миша. – Когда в Москве был ураган, она его за несколько часов предсказала.

– И как сейчас, по ощущениям? – спросил Макс (он, наконец, обратил внимание на состояние Даши, подошел и обнял ее). – Как тогда?

– Намного хуже, – ответила Даша. – Я... так меня впервые мандражит.

– Олег на связи, – сказал Игорь, протягивая переговорную трубку Макс. Тот тихо чертыхнулся и сказал в трубку:

– Олег? Что там у тебя?

– По Мурманску штормовое, – ответил тот сквозь шипение помех. – Меня еле выпустили, тем более – с контейнером. С бытовкой точно не выпустят. До завтра ждать придется.

– Не проблема, – сказал Макс. – Ты смотри, если сильно дует, то ну его, этот контейнер – поворачивай и лети обратно. Потом довезешь.

– Да я уже три четверти дороги осилил, – ответил Олег. – Минут через десять у вас буду. Пока штормит не очень, а потом я контейнер поставлю, да и улечу налегке. Нечто, я через бурю не летал?

– Окей, ждем, – сказал Макс, и выключился. Отдал трубку Игорю:

– Затащите радиостанцию под навес камня, и поддерживайте связь. Так, народ, не стоим, оборудование тоже затаскиваем под камень. Видите же, погода портится...

То, что погода портится, видно было уже невооруженным глазом – небо затянуло тучами, ветер, еще не очень сильный, но неприятно-холодный, дул со все нарастающей силой. Забыв о перепалке между Павлом Петровичем и Макарычем, участники экспедиции бросились к ящикам.

Под камнем было темно. Дневной свет проникал лишь на несколько метров от входа, а дальше царила тьма. Эта тьма казалась осязаемой и пугающей.

– Освещение бы какое-нибудь, – пробормотал Макарыч.

– Сейчас, Олег контейнер подвезет, там генератор, будет вам освещение, – ободрил его Мишка.

– У меня длины кабеля не хватает, – сообщил Игорь Макс. Тот уставился на него непонимающе:

– И что?

– Если мы пойдем глубже, рацию придется бросить у входа, – объяснил Игорь. – Я ее загружу в режиме ретранслятора, будет нам интернет и связь раздавать.

– Ты уже говорил, – кивнул Макс. – Расположись там, за ящиками, и работай. Что Олег? Игорь взял переговорную трубку, и нажал клавишу вызова:

– Олег, что у тебя?

– Вижу ваш камушек, – сообщил пилот. – Выходите встречать.

Все участники экспедиции дружно выбежали из-под каменного навеса, словно боялись под ним оставаться, и, в тоже время, боялись в этом признаться. Но на улице было немногим лучше: ветер еще усилился, к тому же пошел снег, мелкий и неприятный. Поскольку вся команда была в легкой, по северным меркам, конечно, одежде, происходящее вовсе не пришло им по душе.

Приземляться Олег не стал – завис у самого края сейда, и, с помощью лебедки, аккуратно опустил вниз контейнер, который сноровисто отстропили Генка, Волосатый, Феликс и Мишка. Когда контейнер встал на площадке, прикрыв собой импровизированный лагерь экспедиции, как стена, Олег подал голос через мегафон:

– Так, котята, не расслабляемся. Я сейчас лечу за вашей бытовкой. Башня передает ухудшение погоды, но это ничего – думаю, успею обернуться, чай, не зима.

– Ты там не рискуй, – передал ему Макс по ручной рации. – Знаю я карельскую погоду.

– Ага, а вы тут будете под камушком куковать? – возразил Олег. – Нет уж, донесу я вам ваше жилье, не в таких передрыгах бывали. Да и что может случиться? Ну, будет шторм, так я и в шторма летал...

Макс хотел, было, что-то добавить, но сдержался, и Олег улетел. Когда вертолет исчез среди низких облаков, Макс собрал вокруг себя группу, и сказал:

– Вот что, друзья. Олег может хорохориться сколько угодно, но если погода и правду испортится, его просто не выпустят. Сейчас весна, но отсюда до полюса доплунуть можно, и если с полюса надвинется шторм – хреново будет всем. Так что надо располагаться по месту. Первое, что мы сделаем, это пройдем до устья шахты, и посмотрим, как оно выглядит. Насколько я понимаю, устье находится как раз под центром этого валуна, и рядом с ним есть старая база. Она у нас – резервный вариант. Попробуем привести в порядок руины, если бытовку нам не довезут.

Никто ничего не ответил, и Макс принялся раздавать указания:

– Павел Петрович и Миша – распакуйте приборы, проверьте концентрацию газов и уровень радиации здесь, потом присоединитесь к нам. Мы с Александром Филипповичем, Макарычем и Феликсом ищем спуск к устью и базу. Игорь – старайся поддерживать связь и Интернет. Остальные вскрывают контейнер. В первую очередь, запускайте большой генератор. Если погода будет еще ухудшаться – прячьтесь в контейнер сами. Все ясно?

– Да что тут неясного? – пожал плечами Генка, остальные промолчали, только Волосатый пробормотал какую-то фразу, в которой явственно слышалось слово «пожрать». От внимания Макса это не укрылось:

– Кто проголодался, разрешаю вскрыть сухпай. В контейнере есть пиво – берите по банке, но не больше, мы сюда не бухать прилетели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.